

Не устал ли Создатель

Автор:

Наталья Андреева

Не устал ли Создатель

Наталья Вячеславовна Андреева

Бестселлеры Натальи Андреевой Детектив-вояж

Не устал ли Создатель от людей?.. Все чаще и чаще случаются природные катаклизмы. Вот и этим летом Москву залили дожди. А если у человека отпуск? Понятно, что надо бежать отсюда к морю, к солнцу. Да и девушка хорошая подвернулась. Попросила подвезти до вокзала, но по дороге выяснилось, что и она не прочь прокатиться на юг. Пусть даже с незнакомым мужчиной. Только девушка какая-то странная. На первой же остановке находит трупы. Дальше – больше. Такое ощущение, что она все это спланировала заранее. Ее ждут в кемпинге и в придорожных кафе, в номере для новобрачных пансионата «Большая Медведица»... Кто ты, девушка? Не иначе как ключ от криминального пазла, который рассыпался по трассе от Москвы до морского побережья.

Новая редакция ранее выходившего романа «Грозы медового месяца».

Наталья Вячеславовна Андреева,

Не устал ли Создатель

© Андреева Н.

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Ясно

Горизонт был чист, на небе ни облачка. Васильковый ситец неба не успел еще выцвести от палящих солнечных лучей, и был натянут, словно кусок ткани на манекене, по которому портные не успели пока пройтись мелком и ножницами. Что из него в итоге скроют, неизвестно, какое лето, жаркое, солнечное, или прохладное и дождливое?

Была весна, самый конец мая, Алексей и Лена готовились к бракосочетанию, и почти ничто не омрачало их счастья. Кроме...

Ах, эти предсвадебные хлопоты! Невеста немного нервничала, как нервничают перед свадьбой все невесты, жених целыми днями мотался по делам, чтобы отвлечься от неприятных мыслей, которые, непрошенные, сами лезли в голову. Как и всякий мужчина, он дорожил своей свободой, но сколько же можно одному, пора бы и детей. Да и женщина хорошая попалась, разница в возрасте – сущие пустяки, чтобы там мама ни говорила. Да, она недовольна, но на то она и мать. И теща не подарок, да куда деваться, где их, хороших-то найдешь? Была ни была, в конце-то концов!

Что до Лены, то она давно и страстно хотела выйти замуж. Вот только бы не промахнуться: не девочка уже, пожила и повидала, жених младше аж на пять лет. Разница в возрасте существенная... Свекровь так просто кривится при виде невесты единственного сына, но на то она и свекровь, чтобы быть недовольной, где их хороших-то найдешь? Годы идут, и если тянуть дальше, то можно и в старых девах остаться. Не в девах, конечно, все у нее уже было, да и не только с ним, но об этом лучше не вспоминать.

В общем, у каждого из них были причины понервничать, но дело, тем не менее, неуклонно шло к свадьбе.

Вечерами жених и невеста с упоением предавались той бессмысленной чепухе, которая называется влюбленностью и опутывает, словно паутина, тех, кому меньше чем через месяц предстоит войти во Дворец бракосочетаний. Потом влюбленность куда-то исчезает, перерастает в зрелое, оформившееся чувство,

именуемое любовью, или, напротив, в неприязнь, а порою и в ненависть, в зависимости от того, насколько правильно был сделан выбор.

Но все это выяснится потом, после того как закончится медовый месяц, а он, собственно, еще и не начинался. Съехаться молодые должны были только после свадьбы. Не то чтобы оба стремились соблюсти формальности, но жених затеял ремонт и считал делом мужской чести ввести новобрачную в чистенькую, уютную квартирку, а не в хлев какой-нибудь. Успеет еще женушка окунуться в быт. Словом, Алексей хотел сделать жене сюрприз, денег-то немного, даже на свадебное путешествие не хватает. Они проведут медовый месяц здесь, в этой однокомнатной московской квартирке, а потому спешить не надо. Короткое медовое счастье лучше цедить по капельке и дорожить каждой. Эти сказочные мгновения будут потом бережно сложены в шкатулку воспоминаний, и после неизбежных семейных ссор, с криками, обвинениями, взаимными претензиями и упреками, оба они, разойдясь по углам, откроют каждый свою шкатулку и украдкой вздохнут:

– А ведь было же! Здесь, в этой квартирке. Мы же когда-то любили друг друга...

И на спрятанных в этой волшебной шкатулке золотых самородках короткого счастья можно протянуть не один год. А в черные дни перебирать свои сокровища и думать о том, что ты все-таки безмерно богат...

Лена пока жила у мамы, вечерами они с Алексеем встречались в кафе или в парке, гуляли, целовались, строили планы – словом, вели себя как образцовые жених и невеста, у которых все еще впереди. Хотя невесте скоро должно было стукнуть тридцать, и если она и выглядела моложе, то на год-два, не больше. Лена одевалась по моде, то есть носила облегающие джинсы, яркие футболки и браслеты с шармами, красилась в блондинку и сидела на диете, чтобы сохранить стройную фигуру. Ее внешность, манеры, а главное, опытность Алексею, который был на пять лет моложе, нравились безумно. И горячие поцелуи мало-помалу растопили тонкий ледок сковывавших Алексея сомнений. Они будут счастливы. А как иначе?

Свадьбу назначили на начало июня, примета есть плохая: жениться в мае – всю жизнь маяться. Маяться они не хотели, а поэтому ограничили себя даже в интимных отношениях. То есть Лена к жениху не заезжала. Они копили страсть, словно опасались, что в медовый месяц их ждет пресыщенность и откровенная скука.

Стояла по-летнему теплая погода, температура была все рекорды, наконец-то расцвела сирень, а в подземных переходах появились бабушки с букетиками ландышей. Ландыши пахли так тонко и сладко, что у Лены кружилась голова, когда она подносила к лицу букет.

– Я люблю тебя, – шептал ей на ухо жених.

И она невольно верила и в то, что ее ждет восхитительное лето, и в любовь Алексея, и в свое с ним будущее счастье.

– А июнь обещали холодный, – пожаловалась женщина, торгующая носками, соседу у лотка со свежей зеленью. – И с дождями.

– Все лучше, чем жара, – живо откликнулся тот. – У меня в жару давление поднимается, хоть работу бросай!

– Но все ж таки лето... Летом должно быть тепло.

– Ты слышал? – шепнула Лена жениху. – Плохой прогноз на наш медовый месяц! Говорят, что будет холодно. И дождь.

– Ничего, я тебя согрею, – широко улыбнулся Алексей и обнял невесту за тонкую талию. Потом, коснувшись губами ее душистых волос, тихо, но твердо сказал: – Ведь я люблю тебя...

Маленькое облачко на горизонте

Он клеил обои в прихожей, когда в дверь позвонили. Звонок был долгий, кто-то настойчиво хотел войти в квартиру, хотя на такое зрелище, как ремонт, гостей обычно не приглашают.

Алексей чертыхнулся: он стоял на шатком столе с поднятыми руками, в которых держал кусок обоев, намазанный густым липким клейстером. Надо открыть дверь, но тогда клейстер засохнет. В дверь же еще раз позвонили. И еще.

– Да иду уже! Иду! – Он крепко выругался, спрыгнул со стола и положил намазанный кусок обоев на пол: – Прощу только Ленку! Больше никого!

За дверью стоял незнакомый парень лет двадцати с небольшим. Высокий симпатичный брюнет с голубыми глазами. Одет он был неброско, но все вещи были дорогие, не с рынка, это Алексей отметил сразу. На запястье у парня болталась фирменная кожаная барсетка.

Алексей был уверен, что видит этого парня впервые в жизни. Поэтому с раздражением спросил:

– Вам кого?

– Лебедев Алексей здесь проживает? – осведомился парень после небольшой паузы, во время которой внимательно приглядывался к хозяину квартиры. Алексею показалось, что осмотром незнакомец остался доволен.

– Я – Лебедев, – невольно насторожился он.

– Тогда я к вам, – улыбнулся вдруг брюнет.

– Видите ли, у меня ремонт, – Алексей показал испачканные руки. – Я занят. А что вы, собственно, хотели?

– Поговорить, – продолжал улыбаться парень. – В ваших же интересах.

– Я вас не знаю, – хмуро заметил хозяин, не собираясь впускать незваного гостя в квартиру.

– Марат, – представился гость. И добавил: – Лебедев Марат Константинович. Мы с вами – однофамильцы.

– Ну и что?

– Можно мне войти? – И, видя, что хозяин все еще загораживает проход, парень улыбнулся еще шире: – Расслабьтесь. Я – не грабитель и не террорист. Хотите, паспорт покажу?

– Там стоит штамп, что вы – не грабитель?

– Там черным по белому написано, что я – Лебедев Марат Константинович, – рассмеялся брюнет. – Грабители не предъявляют паспортов на входе в квартиру, которую собираются обчистить. А у вас есть чувство юмора! Я рад. Оно вам пригодится.

Алексей начал терять терпение.

– Слушай, а не пошел бы ты...

– Денег хотите заработать? – перебил его парень и добавил: – Много.

– И что я должен сделать? – с усмешкой спросил Алексей. Он, конечно, был в курсе, что престижная высокооплачиваемая работа сама по домам не ходит.

– Для начала просто-напросто выслушать меня. Так можно войти?

– Что ж, заходи, – сказал Алексей, внимательно оглядев незваного гостя, и посторонился. Парень явился один, карманов, в которых можно было бы спрятать оружие, на одежде не наблюдалось, гость представился и даже предложил заглянуть в его паспорт. Да и добром у Алексея не разживешься, немного он накопил материальных ценностей к своим двадцати пяти годам. Почему ж не выслушать этого «Марата Константиновича»?

Но в прихожей Алексей вновь замялся. Надо бы вымыть руки, а значит, зайти в ванную комнату. То есть оставить гостя одного. Без присмотра. И Алексей ограничился тем, что просто вытер руки тряпкой. Потом пропустил парня вперед, когда они направились в единственную комнату. Не то чтобы Алексей боялся, но так, на всякий случай. Они были примерно одного роста и телосложения: оба высокие, широкоплечие, узкие в бедрах. Алексей трижды в неделю заглядывал по вечерам в тренажерный зал, гость тоже не выглядел дохляком. Силы примерно равны, если вдруг «Марат Константинович» не с добром пришел.

Парень, не колеблясь, прошел вперед, то есть спокойно подставил спину, и, кажется, готов был играть по тем правилам, которые предложит хозяин

квартиры. Нет, не грабить гость пришел и не убивать.

А зачем?

Все это пронеслось в голове у Алексея в одно мгновение: странный визит, странный гость. И с какой стати незнакомому человеку предлагать Алексею высокооплачиваемую работу? Он уже был уверен в своем отрицательном ответе. Что бы незнакомец ему ни предложил. В парне было что-то странное. Может быть, взгляд? Хищный, цепкий. Такие люди не занимаются благотворительностью!

– Закурим? – спросил гость, присаживаясь в кресло.

– Я не курю, – хмуро сказал Алексей.

– Это правильно, – легко согласился парень. – Я тоже не курю. Только когда сильно нервничаю.

И достал пачку «Мальборо». Алексею показалось, что гость не похож на человека, который хочет закурить, чтобы скрыть волнение. Ведет себя уверенно, сигарету держит изящно, как это умеют делать только люди искусства. Для них курение – ритуал. Вот и гость курит картинно, выдерживая театральную паузу.

– Куда можно стряхнуть пепел? – осведомился брюнет.

Пододвинув к нему пепельницу-раковину, которую держал для гостей, Алексей уже с явным раздражением поторопил собеседника:

– Ну? Излагай.

– Я знаю, что вы через неделю женитесь. Я тоже.

– Поздравляю.

– Спасибо. Примите и мои поздравления. Планируете куда-нибудь поехать в медовый месяц?

– Нет, а что?

– Значит, собираетесь целый месяц сидеть здесь, в Москве? А синоптики уже сообщили, что июнь будет холодным.

– Ничего. Как-нибудь.

– Молодая жена согреет, так, что ли? – напряженно рассмеялся гость. – Рискну предположить, что у вас просто денег нет. Ремонт вот затеяли... – И он обвел взглядом отремонтированную уже комнату.

Алексею послышалась ирония в его голосе. Мол, скромненько, размаха нет.

– Послушай, да что тебе от меня, наконец, надо? – всерьез разозлился он. – Я тебя знать не знаю и не хочу отчитываться, на ком я собираюсь жениться, как провести медовый месяц, что подарить своей будущей жене. Это мое дело. Только мое. Либо ты сейчас скажешь...

– Пять тысяч долларов, – сказал вдруг парень. – Я даю вам пять тысяч долларов.

– Да за что?!

– А, собственно, ни за что. Вот такой я добрый.

Парень поднялся из кресла легко, без малейшего напряжения, словно стальная пружина распрямилась, и хозяину квартиры стало ясно: его незванный гость хорошо натренирован и не только для того, чтобы бабам нравиться. В драку с ним лучше не ввязываться. Алексей невольно вскочил, но гость уже направился к окну и, откинув занавеску, предложил:

– Подойдите сюда.

Внизу, под своим окном, хозяин квартиры увидел новенький белый «Лансер», машину, каких в Москве – тысячи! И с недоумением спросил:

– Вижу машину, и что?

– Вот на этой машине вам с женой предстоит поехать в свадебное путешествие. На неделю.

– Куда? – растерялся Алексей.

– На юг. Можете остаться там дольше и обратно вернуться на поезде или на самолете. Как вам будет угодно. Я оплачиваю неделю. И даю дополнительно пять тысяч долларов, если вы доберетесь до конечной точки маршрута.

– Я не понял...

– А что тут непонятного? – вроде как удивился парень. – В субботу вы с невестой официально оформляете отношения, а в воскресенье утром, после брачной ночи, садитесь в этот белый «Лансер» и отправляетесь на юг. Все, что от вас требуется, – следовать указанным маршрутом, останавливаться перекусить в тех кафе, которые я вам назову, заночевать в кемпинге, где вас будут ждать, и придерживаться графика. В понедельник вечером вы приезжаете в гостиницу, где для вас уже забронирован номер, заселяетесь туда, а ночью с пятью тысячами долларов уходите в другую гостиницу, по соседству, где неделю можете любить друг друга всласть в оплаченном мною номере. А в пяти минутах ходьбы, между прочим, море плещется. Ну, как?

– Э, нет! – рассмеялся вдруг Алексей. – Не на того напал! Я еду в твоей машине вместе с молодой женой, а в багажнике наркоты на миллион баксов! Ищи дурака!

– Такого, как ты говоришь, дурака я при необходимости найду запросто. И гораздо дешевле, – назидательно сказал «Марат Константинович». – Профессиональные наркокурьеры намного надежнее, изобретательнее и знают, что делают. Дилетанты в этом деле не нужны. Пошевели мозгами: ты едешь на юг, наркотики же везут оттуда. С южной границы. И потом: можешь пригласить кинолога с собакой и обнюхать мою машину вплоть до последней гайки. Слово даю: она чиста. Это просто машина. И весь ее груз – люди. Ты и твоя жена.

– Но для чего тебе это надо?

– Да просто так! Я же говорил, что тебе понадобится чувство юмора! Я – богатый человек, и это мое предложение – прихоть миллионера. Возникло внезапное

желание сделать приятное людям, которые решили вступить в законный брак. Хотя бы в честь собственного бракосочетания.

– Не верю. Знаю я таких богатых. Да вы же за копейку удавитесь!

Парень отошел от окна и уселся обратно в кресло. Закурил еще одну сигарету, на этот раз действительно нервничая. Алексей остался стоять спиной к окну. Он ждал более убедительных объяснений.

– Я не собираюсь тебя уговаривать, – напряженно сказал «Марат Константинович». – Но дело чистое. Тебе просто повезло, Алексей Лебедев. Считаю, что ты выиграл в лотерею.

– То есть я просто должен сесть с машину, по пути на юг заехать в пару кафешек, заночевать в кемпинге, заселиться в гостиницу и той же ночью уйти оттуда с пятью тысячами баксов? Я правильно все понял?

– Абсолютно. Я верил в твой разум, Лебедев Алексей. Одно условие: ты должен сесть в машину с молодой женой. И вести себя естественно. То есть так, как должен вести себя счастливый молодожен. Целовать ее, ласкать, нашептывать на ухо нежные словечки. В общем, ты меня понял.

– Ты сумасшедший? Да? – с надеждой спросил он.

– Нет. И не надейся.

– Тогда кто?

– Лебедев Марат Константинович, – твердо сказал гость. – Так как?

– Мне надо подумать. – Алексей замолчал, заходил взад-вперед по комнате, а потом поинтересовался: – А если я в милицию звякну?

– Это ради бога. Менты скажут, что ты – псих, только и всего. И придется тебе остаться в холодной Москве, под дождем мокнуть. Вместе с молодой женой.

– Слово даешь, что там нет наркоты?

– Ни наркоты, ни чего бы то ни было, что стоит денег. Другими словами, того, что я мог бы продать и на этом заработать. Вы ничего такого не повезете. Даю слово.

Неизвестно почему, но Алексей ему поверил. И все же за этим предложением что-то кроется. Но что? Не поедешь – не узнаешь. Ему тут же вспомнилась избитая фраза: бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Но пять тысяч долларов! Пять тысяч! Шальные деньги! Ни за что! То есть за свадебное путешествие! За то, что они с Леной любят друг друга и женятся! Так что же делать?

– Так как? – нажал гость. – Мы договорились, или мне идти к другому парню?

– А у тебя что, есть кандидатуры помимо меня? – усмехнулся Алексей.

– Конечно! Приз должен быть разыгран. Раз уж я решил кого-то облагодетельствовать, – вздохнул гость. И вдруг пожаловался: – Что за время такое, а? Никто никому не верит. Как мы живем? Помощи попросить боимся, потому что отдавать придется с процентами. Боимся, что нас используют. А если пришел человек и предложил деньги, много денег – значит, он вор! Хочет нажиться. А я не хочу на тебе нажиться. Напротив. Приедешь из свадебного путешествия, новую машину себе купишь. Я же знаю, что у тебя тачка-то старая, ремонта требует. Не дотянет до юга. Потому и предложил свою. Хотел как лучше.

– Слушай, ты мне часом не родственник? – Алексей все еще искал разумное объяснение происходящему.

– Богатый двоюродный братец из Америки? – рассмеялся гость. – Я же сказал: однофамилец. Один Лебедев хочет сделать другому Лебедеву приятно. Ну, так как? – в очередной раз спросил он.

– Я должен с Ленкой посоветоваться, – с сожалением произнес Алексей, которого гость уже почти убедил. – Вдруг она не захочет?

– Преподнеси все так, чтобы захотела, – уверенно сказал «спонсор». – Она же – баба! Покажи красивую тряпку – и забудет про все. Пообещай море, солнце,

кондиционер в номере, шведский стол на завтрак – расцелует и даже не спросит, откуда деньги. И пришел я не к ней, а к тебе, как к настоящему мужику. Скажи, что родственник сделал свадебный подарок. Она завизжит от восторга и кинется тебе на шею.

– А как я объясню потом, откуда взялись деньги? Пять тысяч долларов?

– От того же родственника. Да и надо ли ей вообще что-то объяснять? Уверю: она и не спросит, откуда деньги... – «Марат Константинович» выразительно помолчал. – Итак, я тебе дам мобильный телефон, через который мы будем держать связь. На юге, скорее всего, не увидимся. Я просто позвоню и скажу, где деньги. И все. Больше мы никогда не встретимся, Лебедев Алексей. Если только случайно.

– Надо бы подумать.

– Некогда думать. Решай сегодня. Сейчас. Или я ухожу.

– Хорошо, – кивнул Алексей. В конце концов, гость прав. Лена – всего лишь женщина. И она обрадуется этой поездке. Тем более обрадуется невесть откуда взявшимся деньгам. И не надо ничего объяснять. – Я согласен.

– Молодец, – вздохнул парень с заметным облегчением. – Ты сделал правильный выбор. Но за пять тысяч долларов я хочу узнать маленькие интимные подробности.

– Что-о?! – слегка опешил Алексей. – Какие еще подробности?!

– Не кричи, – поморщился его собеседник. – Позы, в которых вы занимаетесь любовью, меня не интересуют. Я только хочу знать, как она тебя в такие моменты называет?

– Ты – точно псих, – покачал головой Алексей. – Да зачем тебе это?

– Считай, что у меня проблемы с потенцией. Хочу перенять опыт.

– Ну... – замялся Алексей.

– Смелее.

– Вообще-то, она называет меня Леопардом. Или Леопардиком. Сокращенно – Лео.

– Лео, значит, – зафиксировал парень. – А ты ее?

– Лялькой. Она на куклу похожа. Вся такая маленькая, аккуратненькая. И зовут Леной. В общем, Лялька.

– Я понял. Этого достаточно. Любите друг друга, Лео и Лялька, и будьте счастливы. Аминь... Итак, я покажу сейчас, где мы встретимся в воскресенье утром, и обозначу маршрут. У меня в барсетке есть карта...

Вадим

Холодно, дождь

Он нервничал все больше и больше. Договорились же встретиться в одиннадцать утра, а сейчас уже первый час! Да за кого его принимают?! А он, дурачок, поверил, в который уже раз ей поверил! Женщинам вообще верить нельзя, а уж этой...

Погода испортилась второго июня. Сначала майская жара била все рекорды, потом на центральные районы страны обрушился такой лютый холод, которого, похоже, еще никогда и не случалось в первый месяц лета в этих широтах. И вот почти полтора часа Вадим торчит в кустах под мелким ледяным дождем, который сеет и сеет. Отвратительно! Это же не дождь, а черт знает что! Медленная средневековая пытка!

В голову из-за такой погоды приходят бредовые мысли: а не устал ли Создатель от людей, что без конца посылает им теперь природные катаклизмы? Где-то цунами целый остров смыло, проснувшийся вулкан засыпал пеплом огромный город, а здесь, в России, похоже, не будет лета. Во всяком случае, не обещают.

Вадим то сидел в машине, то выскакивал из нее и начинал ходить взад-вперед. И так часто смотрел на часы, что порой ему казалось, будто стрелки застыли на месте. Разумеется, женщинам свойственно опаздывать. А уж красивым женщинам тем более. Ну, на полчаса. На час. Мало ли что могло случиться? Но это же переходит все границы! Дело идет к тому, что они не успеют добраться до конечной точки маршрута к завтрашней ночи. А туда им надо прибыть своевременно, во что бы то ни стало! Она сама об этом говорила, хотя что к чему – он так толком и не понял. Но теперь она же и ворует время! И у себя, и у него!

В половине двенадцатого, из ворот того дома, за которым он так пристально наблюдал из густых кустов, выехал серый «Мерседес» и неожиданно свернул вдруг резко на проселочную дорогу. Центральная улица дачного поселка была абсолютно пуста, а там грязь, колдобины, тем не менее водитель не пожалел новую дорогую машину. Вадим едва успел отскочить, иначе они столкнулись бы с «Мерседесом» нос к носу. Вадим сумел разглядеть, что в машине сидит темноволосый мужчина. Спровоцировала мужа из дома? Замечательно! Но почему же сама не появляется? А «Мерседес» рванул прочь с такой скоростью, что Вадим невольно проникся жалостью к дорогой, хорошей машине, которую водитель совсем не щадит. Будто у того подобных машин в гараже не одна и не две...

А женщины, ожидаемой им с таким нетерпением, все не было...

А он уже так настроился на эту поездку! Взял отпуск, занял денег, мечтал переждать под жарким южным солнцем, когда минует череда циклонов и над столицей вновь засияет солнце. А что теперь? Неужели она опять его кинула?

И все тайны, тайны. Сплошные тайны! Сколько лет они друг друга уже знают? Восемь! Пять из них эта женщина была его законной женой. И не он затеял развод. Даже когда они разошлись, Вадим знал: пройдет какое-то время, и она вернется. Судьба у них такая: быть вместе.

У нее оказался странный характер: все время пыталась напустить туману. Хотела, чтобы ее окутывала таинственность. Больше всего Вадима раздражало, когда он не мог добиться ответа на простой вопрос: «Где ты была?»

– Угадай... – тянула она.

– В магазин ходила?

– Ну-у-у...

«Это же так просто! – красноречиво говорил ее взгляд. – А я не хочу, чтобы было просто!»

Вадим знал на сто процентов, что жена именно ходила в магазин. И она знала, что он знает. И в конце концов признавалась:

– Да, я ходила в магазин.

И тут же начинала рассказывать со смешком, как к ней подошел незнакомый мужчина, разумеется, молодой, красивый и богатый, наговорил кучу комплиментов, попросил немедленно выйти за него замуж и подарил огромный букет роз.

– А где же розы? – спрашивал он.

– Я выбросила их в мусорное ведро, – отвечала жена, и взгляд у нее при этом был чистый, честный.

Он открывал дверцу, заглядывал под раковину, где стояло то самое ведро, и спрашивал по второму разу:

– А где же розы?

– Ты думаешь, я выбросила их в это ведро? – смеялась она. – Разумеется, в мусорный контейнер, который на улице!

– В какой? В тот, что напротив подъезда? – уточнял он.

– Ну да.

Вадиму хотелось тут же спуститься вниз и проверить это. На девяносто девять процентов он был уверен, что никаких роз там нет. Конечно, его жена была

красива, но не настолько, чтобы буквально все мужчины сходили по ней с ума. У нее были волосы цвета гречишного меда, цвета настолько густого и сладкого, что при одном только взгляде на них возникало чувство пресыщения. Она стриглась коротко, как мальчишка, но все время говорила, что скоро начнет отращивать волосы. А глаза у нее были темные, почти черные, косо посаженные и плутовские. И еще маленький аккуратный носик, крупный чувственный рот и привычка часто облизывать губы.

Когда жена ушла от него, это стало для Вадима ударом. Значит, розы все-таки были? Она врала ему каждый день, и за пять лет совместной жизни набежало никак не меньше ста тысяч раз. А сто тысяча первый оказался правдой.

И вот теперь она заставила его спрятать машину в кустах и не показываться на глаза жителям дачного поселка. А кусты мокрые, потому что дождь так и сыплет.

«Зачем все это? – тоскливо подумал он. – Как же глупо... Зачем?»

И все равно ведь не пришла! У него есть номер ее мобильного телефона, но звонить она запретила. Еще одна тайна. Сиди в кустах, не моги носа высунуть, не моги позвонить. Да сколько можно! Не мальчик же он, в конце-то концов? Ему тридцать один год! И восемь из них он связан с этой женщиной какими-то загадочными, но, увы, нерушимыми узами!

Вадим не выдержал, сел в машину и достал мобильник. К черту ее дурацкие правила! К дьяволу тайны! Если обманула, пусть скажет прямо! Это в последний раз, когда он поверил и прибежал по первому ее зову! Есть же предел терпению!

Он долго слушал гудки. Так долго, что уже потерял всякую надежду. Телефон она не отключила, но на его звонок не отвечала. Это на нее похоже. На дисплее ее мобильного высветился номер и его имя: «Вадим». В темных, плутовских глазах бывшей жены заиграли бесовские огоньки. «Взять трубку, это же так просто... А я не хочу, чтобы было просто!» А волосы она все-таки отрастила. И вдруг...

– Алло.

– Эля?

И вновь гудки. Теперь уже частые. Сбросили звонок. Нет, это не Эля. Ее голос он узнал бы из тысячи. Она никогда не говорила «алло». Низко, с таинственным придыханием спрашивала: «Да-а?» Словно каждый раз ждала сюрприза. А у него каждый раз сердце екало, потому что он знал – услышав голос бывшего мужа, Эля с явным разочарованием протянет: «А-а-а... это ты...» «Всего лишь», – легко угадывалось за этими ее словами.

Твердое, уверенное «алло» окончательно выбило Вадима из колеи. Кажется, он и голос узнал. Что за черт? Еще одна тайна? Решила прибегнуть к услугам посредника? Вернее, посредницы, ибо «алло» сказала женщина.

Он набрал номер бывшей жены еще раз. Теперь уже все было по правилам: абонент недоступен. Отключила мобильник.

И тут в кустах раздался шорох. Он встрепенулся и кинулся на звук:

– Эля? Наконец-то!

Но это была не Эля. Из кустов вышло «существо» в натянутом на нос капюшоне, бесполое, в куртке и джинсах, в кроссовках, с объемной спортивной сумкой через плечо. Существо пискнуло «ой». И стало понятно, что это девушка. Кажется, Вадим ее напугал.

– Извините. Я тут жду...

– Кого? – пискнула напуганная девчушка. На вид ей не было и восемнадцати.

– Так, одну особу, которая меня, кажется, обманула. – И тут ему в голову пришла недурная вроде бы идея. Он внимательно посмотрел на девчушку: – А вы куда направляетесь?

– Мне надо на железнодорожную станцию. И в Москву.

– Помогите мне, и я вас подвезу.

– Куда?

– Зависит от результата. На станцию. Либо в Москву. – Он тяжело вздохнул. Если Эля вновь его кинула, придется возвратиться домой. – Видите вон ту дачу?

И он указал на двухэтажный кирпичный особняк под зеленой крышей. Его окружал высокий сплошной забор, ворота были железные, глухие.

– Да, – кивнул перепуганный воробышек.

– Вы не могли бы пойти туда и спросить Элю? А потом сказать Эле, что Вадим устал ее ждать и если она немедленно не придет или хотя бы не позвонит, чтобы объясниться, он уезжает домой. И все будет кончено, теперь уже навсегда. – Воробышек стоял, о чем-то раздумывая. – Я туда пойти не могу, – пояснил Вадим. – Она замужем.

– Понимаю, – кивнула девушка.

– В благодарность за оказанную услугу обещаю вас подвезти. По крайней мере до ближайшей железнодорожной станции. А то вы промокнете насквозь. Кстати, хотите зонт?

– А у вас есть? – пискнул воробышек.

Он полез в машину за зонтом. Потом щелкнул кнопкой. Черный мужской зонт смотрелся в ее тонкой руке нелепо. Тем не менее девчушка решительно сжала массивную изогнутую ручку и зашагала к указанной Вадимом даче.

– Эй! – окликнул ее Вадим. – Сумку-то можешь оставить в машине. – Она замерла, вновь о чем-то напряженно раздумывая. – Что у тебя там? Золото, бриллианты? Я не трону. И потом: у тебя мой зонт, а я им очень дорожу.

Девушка кивнула, Вадим подошел и взял у нее сумку, которая оказалась довольно-таки тяжелой.

– Все мои вещи, – пояснила его посланница. – Ну что, я пошла?

– Жду ответа, как соловей лета, – невольно усмехнулся он. Так, что ли, пишут девочки ее возраста в конце любовных записок, которые посылают своим мальчикам? Ему бы хоть немного поиграть в любовь по этим детским правилам! Эх, и развернулся бы он!

Вадим стоял и смотрел, как девчушка толкнула калитку и скрылась за забором. А забор сплошной, не разглядеть – что там? Сумку Вадим бросил в машину, на переднее сиденье, и стал ждать.

Ее не было минут десять. Вышла она одна и направилась к его машине. Зонт закрывал лицо, и Вадим не мог узнать приговора раньше, чем она подошла. Когда девчушка оказалась в трех шагах, Вадим спросил нетерпеливо:

– Что она сказала?

Не высовываясь из-под зонта, его посланница грустно ответила:

– Эля просила передать, что ее для вас больше не существует.

Фраза была в стиле его бывшей жены. Он расстроился, конечно, но постарался не потерять лицо перед этой взъерошенной птичкой. Сказал как можно веселее:

– Значит, я отныне свободен? О, свобода! Свобода! – И он фальшиво запел: – «Мы – вольные птицы, пора, брат, пора туда, где за тучей белеет гора...»

Гора! О, черт! Как же теперь быть с запланированной поездкой на юг? Он не выдержал и крепко выругался. Жалко стало потраченного времени и денег.

Девчушка сочувственно спросила:

– Вам плохо?

– Хуже не бывает!

– Вы любите ее?

– Девочка, что ты в этом понимаешь? Ладно, садись в машину. – Вадим тяжело вздохнул. – Раз так вышло, я отвезу тебя в Москву. Куда тебе надо?

– На вокзал.

– На какой вокзал?

– Павелецкий.

– Прекрасно! Мы едем на Павелецкий вокзал! Прошу вас, сеньорита! Что же вы застыли в нерешительности? Ах, вы подумали, что перед вами маньяк! Что я завезу вас в кусты и съем. Милая, я не настолько голоден. Со мной вообще все в полном порядке. У меня вот уже восемь лет только одна проблема. Которую ты видела. Но теперь все благополучно разрешилось. Ее для меня больше не существует. Так ты едешь или нет? – довольно грубо спросил он.

– Еду. Мама сказала, что нельзя садиться в машину к незнакомым мужчинам, но я уже знаю, что вас зовут Вадимом и вы здесь ждали Элю. Вы очень несчастны. Я сяду к вам в машину, – решительно заявил воробышек и полез на переднее сиденье.

Когда белый «Лансер» выехал на проселочную дорогу, Вадим покосился на ее тонкий, нежный профиль и спросил:

– Как тебя зовут?

– Олеся.

– А лет сколько?

– Двадцать.

– Двадцать! – удивился он. – А я подумал: несовершеннолетняя!

– Я просто не покрашенная, – обиделась вдруг она и добавила: – Могу паспорт показать.

– Спасибо, не надо.

Вадим пригляделся к девчужке повнимательнее. Очутившись в теплом салоне, она сняла капюшон, и выяснилось, что под ним волосы медового цвета, стянутые в хвостик дешевой пластмассовой заколкой. Но мед не тот, не гречишный, а скорее цветочный, который похож на расплавленный янтарь и на вкус не приторный. Глаза у нее вроде бы карие, миндалевидные, скулы косые. Определенно, ее древнейшие предки попали под монголо-татарское иго. Хорошенькая, но не более того. Или просто слишком уж юная? Вот созреет, расцветет, наберется опыта, научится кокетничать и врать. И станет такой же стервой, как его бывшая! Неожиданно для себя Вадим разозлился.

Спокойнее. Девчонка ни в чем не виновата, даже пыталась ему помочь, пошла в особняк парламентаром, правда, с черным мужским зонтом вместо белого флага.

– И что же ты делала в этом поселке и зачем теперь едешь на Павелецкий вокзал? – спросил он, чтобы как-то поддержать беседу.

– Я приехала издалека. Из небольшого городка, название которого вам ничего не скажет. Учусь в Академии Туризма. Мама отпустила меня на неделю в Москву. К подруге. То есть она нам вроде как родственница. Мама узнала, что та хорошо устроилась в Москве. Я скоро заканчиваю Академию и почти все наши едут на практику за границу. Мне нужны деньги. А мои родители... – девушка запнулась. – Словом, у них столько нет.

– И много тебе нужно?

– Пятьсот долларов. Я отработаю. Говорят, что там, на практике, можно хорошо устроиться и даже денег домой привезти.

– Конечно, – он вновь покосился на девчужку, – заработать-то можно. Ты, случаем, эротический массаж делать не умеешь?

– Да вы что?!

– А как у тебя с английским? Читаю и пишу со словарем?

– И что с того?

– Милая, забудь. Насчет того, чтобы заработать в каком-нибудь отеле в Турции. Ведь ты в Турцию собралась? Или в Египет? Может, в Испанию или в Италию? Да еще деньги по родственникам собираешь за то, чтобы тебя там поимели! Святая простота!

– Мне все равно не дали, – тихо сказала она.

– Конечно! Пятьсот долларов – не бог весть какие деньги, но в столице не принято подавать на бедность родственникам из провинции. Не в коня корм. – И после паузы он добавил: – Я не хотел тебя обидеть...

– Я поняла.

И что за день, а? Злится-то он на Элю, а девчонка при чем? Зачем ей хамить? И Вадим спросил вполне миролюбиво:

– Значит, ты возвращаешься домой ни с чем?

– Да. Я возвращаюсь... Послушайте, я, наверное, чего-то не понимаю! – с отчаянием сказала вдруг она. – Этот город... Здесь все говорят не то, что думают, все улыбаются, но притом стараются обмануть, и никто никогда прямо не скажет «нет». Но «да» не говорят тоже. Я запуталась. Но...

– Что «но»?

– Я понимаю, что если брошу сейчас все, то так и останусь жить в своем крошечном городке, с образованием, которое там никому не нужно. Почти все, кто закончил нашу Академию Туризма, работают продавцами в магазине. Или торгуют на рынке.

– А зачем вам вообще Академия Туризма?

– Ну, как же? – удивилась она. – Это же звучит! Менеджер по туризму! У нас еще есть Агролицей...

– Чего-чего?

– Бывшее сельскохозяйственное ПТУ.

Он не выдержал и рассмеялся. Вот страна! В городке, где за границу ездит отдыхать разве что мэр с семьей да местные олигархи, открыли Академию Туризма! ПТУ переименовали в Агролицей. Агролицейсты в качестве практики развозят по полям навоз, а вечерами пьют самогонку.

– Вам смешно, – вздохнула она.

– Деньги-то есть на обратный билет?

– Да, спасибо.

– «Да, спасибо, надо»? Или «нет, спасибо, не надо»?

– Вот и вы такой же! – со слезами в голосе сказала она. – Разве так можно?

– Все можно. Ведь ты у меня в машине. Ладно, пошутил.

Он немного успокоился, да и девушка ему понравилась. После Эли, которая за восемь лет измучила Вадима так, что слова «женщина» и «камера пыток» стали для него синонимами, наивность Олеси приятно освежала душу. «Есть еще женщины в русских селеньях», – вертелось в голове. Вадим вдруг вспомнил о том дурацком положении, в которое он попал из-за Эльки. Завтра – первый день отпуска. В Москве холодно, дождь. И улучшения погоды синоптики в ближайшем будущем не обещают. Неужели целых три недели ему придется торчать здесь и от скуки много есть и много пить?

А не махнуть ли ему, в самом деле, на юг? Машина почти новенькая, на хорошем ходу, денег достаточно. Без женщины, конечно, будет скучновато. А тамошнюю публику он знает. Снять женщину – не проблема, но можно нарваться на профессионалку, которая обчистит до нитки, а до койки дело так и не дойдет. А как насчет венерических заболеваний? И потом: на юге хочется любви. Романтики какой-никакой. Вот с Элей никогда не было скучно. И в постели хороша, и в ресторане королева! А ее маленькие тайны придавали пикантность

их отношениям. Надо же! Заставила два часа просидеть в кустах!

Он хмыкнул. Подумать только! Он уже ее простил! Не прошло и часа! Вот женщина, а?!

– Что такое? – завертела головой Олеся.

– Так. Вспомнил.

– Ее? – Он, молча, кивнул.

– Она красивая, – тихо сказала Олеся.

– Откуда ты... Ах, да! Ты же с ней разговаривала! Что ж, к Москве подъезжаем.

Некоторое время они ехали молча, потом Олеся расслабилась и стали болтать о пустяках. Вадим включил музыку, стал спрашивать, кто из певцов ей нравится, а кто нет. Удивился, что их вкусы совпадают: все-таки солидная разница в возрасте. Либо он, что называется, в теме, либо она несовременна. Но, так или иначе, приятно ехать с человеком, который тебя понимает.

Девушка совсем освоилась и не выглядела уже нахохлившимся воробышком. Ему вдруг показалось, что если она вылезет из машины и потопает на свой поезд с тяжелой сумкой через плечо, он потеряет что-то важное.

– Ты веришь в любовь с первого взгляда? – спросил Вадим неожиданно для себя.

– А вы?

– Я-то верю, – он тяжело вздохнул, вспомнив, разумеется, Элю.

– Я – тоже, – решительно сказала Олеся.

И все-таки Вадим довез ее до вокзала. Только когда девушка сказала «спасибо большое» и уже открыла дверцу, собираясь шагнуть в морозящий дождь, Вадим слегка придержал ее за руку:

– Погоди-ка.

– Да? – Олеся посмотрела ему прямо в глаза, и Вадиму показалось... Неужели только показалось, что она чего-то ждала?

– Я подумал вдруг: ты да я. Словом, две потерянные души. Полные разочарования. Я остался без женщины, ты – без денег. На сколько, говоришь, родители тебя отпустили?

– На неделю, – еле слышно ответила она.

– И я собирался на юг на неделю! Вот видишь, как все удачно складывается... – Он все еще мялся. Она наверняка откажется. Девчонка еще, и видно, что неопытная. Скорее всего, мужика у нее еще не было. Он явно сумасшедший. Но надо решаться. – Поедем со мной, – выдавил он хрипло и словно бы через силу.

– Куда?

– На юг.

– Вместо Эли?

– Это не должно тебя обижать. Просто так получилось. – Она задумалась. – Послушай, если ты не хочешь, то ничего и не будет.

– Но если я поеду, значит, я должна буду... должна буду... – Олеся запнулась.

Так и есть! Девственница! Теперь даже лучше, если она откажется. Для обоих.

Вадим молчал, не собираясь ей помогать. В конце концов, он – мужчина, а мужское благородство, как известно, имеет предел. Женщина ему нужна. Не сейчас, так потом. Пусть сама решает.

– Хорошо, – кивнула вдруг она и решительно захлопнула дверцу.

Он даже ушам своим не поверил! И вдруг Вадиму стало стыдно. Он решительно сказал:

– Насчет того, что ничего не будет. Я соврал.

– Я это поняла.

– Тем не менее ты согласна?

– Да.

– Это что же, любовь с первого взгляда? Ты хорошо подумала?

– Я подумала. Я согласна быть с вами. Только не сразу.

– Значит, едем?

– Значит, едем.

Он больше ни слова не сказал, развернулся и помчался в сторону Кольцевой. Вот что значит плохой прогноз! Ему не хочется оставаться в дождливой Москве, ей не хочется возвращаться домой, где тоже полосуют дожди и холодно. Наверняка так оно и есть. Воробышек решил начать новую жизнь. Взрослую жизнь. Девушка, что называется, созрела.

Но не на трассе же, в мотеле. Ведь у них, можно сказать, получается первая брачная ночь. Надо по крайней мере подождать до гостиницы, в которой он собирался остановиться с Элей. Вадим уже туда позвонил, заказал номер. А теперь приедет туда с Олесей! Рассказать мужикам на работе, никто ведь не поверит! Снял девчонку в дачном поселке! Невинную, наивную.

Надо ее приручить. Вадим покосился на тонкий девичий профиль. Дикарка, самая настоящая дикарка. Лесная девушка. Но если такая сказала «да», то это действительно означает «да» и ничего другого. При одном-единственном условии: «только не сразу». У его бывшей жены, загадочной и неповторимой, «да» означало твердое «нет». Вадим убеждался в этом неоднократно, когда, уже раздевшись и лежа в постели, она вдруг прищуривала плутовские раскосые

глаза и томно говорила:

– Знаешь, у меня упало настроение.

– И что надо сделать, чтобы его поднять? – злился он.

– Ну... Придумай что-нибудь...

Но богатой фантазией Вадим не отличался. Настолько богатой, чтобы ее понять. Уяснил лишь, что его жена – настоящая женщина, признанная красавица со всем, что к этому прилагается. Постоянное кокетство, тонна дорогой косметики, густой запах французских духов, море очарования и бездонный колодец стервозности. Вадим был наслышан, что мужчины убиваются по таким вот стервам, и знал, какая на самом деле дрянь его жена, но поделаться с собой ничего не мог.

Вот и сейчас он уже посмеивался над ее очередной проделкой, а через неделю вновь будет сходить по ней с ума. И никакая Олеся Элю, то бишь Элеонору, не заменит. Неудивительно, что бывшая подцепила богатого мужика. С такими талантами – как делать нечего. А хорошо было бы встретиться с ее новым мужем, посидеть за щедро накрытым столом, выпить водочки и, заглянув ему в глаза, ласково так, но с издевочкой спросить: «Парень, ты ведь понимаешь, во что вляпался?»

Что бы Вадим ни делал, мысли вновь возвращались к ней. А воробышек сидел рядом, притихший. Они уже мчались по Кольцевой. Скоро будет поворот на трассу Дон, по которой лежит их путь на юг. Повернули. И тут он не выдержал:

– Что молчишь?

– Вы переживаете.

– О ком? О ней, что ли? Много чести!

– Но вы слишком быстро едете.

Да, он гнал машину, пытаясь опьянить себя скоростью и забыться. И потом: много времени потеряно. Надо наверстывать.

– Послушай, – Вадим покосился на нее. – Давай на ты, а? Раз уж мы все решили.

– Хорошо, – послушно кивнула Олеся. И добавила: – Ты слишком быстро едешь.

– Эх, Олеся, не бойсь, я ведь столько поколесил по Москве! Да и за ее пределами бывать приходилось. Работаю экспедитором на одной малоизвестной фирмочке. Квартирка своя. Правда, однокомнатная, на первом этаже, заливают, черти! Это я о соседях. Зарплата не бог весть, по московским меркам, но на жизнь хватает. Машину вот недавно поменял. Продал свою отечественную развалюху и купил почти новенький «Лансер», – похвастался он. – Через год после того, как жена ушла. Так расстроился, что пить-есть перестал. Очнулся – деньги появились. При ней все улетало в трубу. Никак не мог понять: куда Элька деньги деваает?

– Она красивая, – грустно сказала Олеся.

– Что ж, у красивой бабы два рта? Так, что ли? А может быть, и так. – И после паузы Вадим спросил: – Вот что, по-твоему, надо мужчине, чтобы понравиться девушке?

– Девушки бывают разные, – авторитетно заявил воробышек. – Некоторым достаточно заплатить за ночь.

– Нет, я про другое, – поморщился он. – Я о порядочной девушке.

– Порядочной девушке надо надеть на палец обручальное кольцо.

Он чуть не рассмеялся. А девица-то не так глупа! Логически мыслит. Надо бы сбить ее с толку:

– А если без кольца, но с порядочной? Как понравиться такой девушке?

– Надо найти такую девушку, которой вовсе не надо нравиться. Рядом с которой можно быть самим собой. Это же так просто.

Что, получил? Вот тебе логика двадцатилетней девчонки, едущей на юг с мужиком, с которым она познакомилась три часа назад! Новое поколение выбирает «Пепси». Интересно, а напиток «Байкал» ее не устроит? Вадим усмехался тайком, ибо против ее девчоночьей логики у него был жизненный опыт и пять лет брака с Элеонорой. Вот наступит ночь, и он ей покажет, кто в доме хозяин.

– Как у тебя с мужчинами? – спросил он, стараясь не смотреть на Олесю, чтобы не спугнуть.

– Меня домой провожает однокурсник. Из Академии. Но он мне не нравится.

– Провожает куда? До подъезда, до дверей квартиры или выше?

– Выше у нас чердак.

– Ха-ха! И что с чердаком?

– На двери висит замок. – Олеся упорно делала вид, что не понимает, о чем это он говорит.

– Все с тобой понятно, – вздохнул он. – Ах, Олеся, Олеся! Мальчик провожает девочку, а девочка говорит, что мама с папой не велят. Черт меня дернул связаться с ребенком!

– А Эля от тебя ушла. Значит, не в сексе дело.

Да она с зубами! А если он остановит машину и высадит ее сейчас на трассе? Что она будет делать без денег, со своим двадцатилетним жизненным опытом и чердаком, на котором висит замок?

А сам-то он другим был в двадцать лет? До Эльки ведь ни разу, никогда, ни с кем! Тоже хорош. Достает девчонку. И Вадим примирительно сказал:

– Давай не будем ссориться, Олеся.

– Хорошо. Я больше так не буду.

Первая ссора – первый мир.

– Ты есть хочешь?

– Нет.

– Я тоже. Давай без остановки километров этак триста махнем, а? Если куда-нибудь захочешь – скажи. Я приторможу.

Девушка кивнула. Они надолго замолчали. Когда Вадим вновь посмотрел на свою соседку, то увидел, что девчонка задремала. Пусть ее поспит.

... Эльке тоже было двадцать, когда они познакомились. Она жила в студенческом общежитии и уже тогда казалась ему настоящей женщиной. Королевой, которые не говорят – повелевают. Он был на три года старше, но смотрел своей избраннице в рот. Еще два года Эля тянула, не говорила ни «да», ни «нет» на его предложение о замужестве. И только когда она окончила институт, согласилась подать заявление в ЗАГС. Как понял Вадим, от безысходности: деваться-то ей было некуда. Не расхватали лимитчицу, замуж, кроме него, никто не позвал. А у него как-никак своя квартира.

Жена всегда оставалась для него загадкой. Элеонора даже фамилию его взять отказалась, словно уже тогда планировала сбежать. А Вадим был настолько влюблен, что согласен на все. Что ж, пять лет вместе прожили. А фамилия Богатырева ей действительно не пригодилась.

... Когда они вышли из ЗАГСа чужими уже людьми, бывшая жена предложила Вадиму отметить знаменательное событие, поехать к нему. Отметили. Вспомнив об этом, Вадим невольно усмехнулся. Если это не любовь, то что?

А до того? Через полгода после того, как Эля окончательно ушла от него и съехала на другую квартиру, бывшая позвонила, предложила встретиться. Потом снова исчезла на полгода, потом опять позвонила... Чтобы потребовать развода, а потом «отметить» это событие. И вчера вдруг опять звонок! Приезжай, соскучилась. Еле денег успел занять, чтобы прокатить бывшую жену на юг. Вот характер! Выходит, что раз в полгода у нее случается приступ нежности. К нему. Сама загадочность и непредсказуемость.

Почему же она сразу не выскочила замуж за какого-нибудь нового русского? Видать, на дороге они не валяются. А жена все ждала, искала, не теряла надежды. Потому и детей от Вадима рожать отказалась. Берегла свою матку для денежного мешка, какого-нибудь буржуя. Может, уже ребенка ждет.

Он представил Элю беременной и чуть не рассмеялся. Не ее это. Вадим так задумался, что и не заметил, как они проскочили двести километров.

Первая гроза

Здесь, за двести километров от столицы, было чуть теплее, но зато темнее. Казалось, что все облака, какие только есть, скапливаются именно в этом месте и дальше уже ни шагу. На юге должно сиять солнце, а это – невидимая небесная граница, главный форпост летней грозы.

– Гроза будет, – подтвердила Олеся. Она проснулась и теперь внимательно следила за дорогой.

Вадим и сам подумал, что будет гроза. Он глянул на приборную доску, где были часы, и сказал:

– На ночлег остановимся ближе к полуночи. Хотя бы половину пути надо проехать сегодня. Жаль, что на старте задержались.

Олеся покосилась на стоящий у дороги щит и напряженным голосом сказала:

– Двести сорок семь километров.

– Да, двести сорок семь километров от Москвы. В темпе едем. Скоро будет двести пятьдесят. Ты чего-то боишься?

– Грозы боюсь. С детства. Может быть, остановимся, переждем?

– Лешонок, ты чего? – Это вырвалось у Вадима непроизвольно: Лешонок. Сложилось из двух слов: «Олеся» и «леший». Тот самый, который живет в лесу. Почему-то городок, из которого она приехала, ассоциировался у Вадима,

коренного москвича, с образом «тундра непроцарапанная». – Не бойсь! Ну, сверкнет, гроыхнет, и что? Мы ж на машине!

– А если в нас молния ударит?

– Загоримся, что ли? Ерунду не говори, – рассердился он.

– Ой, смотри! Буква «Р» на знаке!

– Стоянка скоро.

– Давай остановимся?

– В кустики, что ли, захотела?

Олеся невольно зарумянилась и кивнула.

Он тоже хорош! Давно надо было остановиться, выпустить девчонку подышать.

– Может, потерпим до кафе? Подкрепиться бы. И руки помыть.

– Нет, сейчас. Я хочу, – тихо, но настойчиво сказала она.

Вадим кивнул и сбавил скорость. На краю заасфальтированной площадки, куда они вскоре свернули, почти у самого леса стоял такой же белый «Лансер». Новенький. Вадим невольно рассмеялся:

– Смотри-ка! Сестренка! Причем родная! И номера московские. – Он пригляделся и присвистнул: – Надо же! Номер почти такой же. Только у моей тачки последняя буква «О» и семьдесят семь, а у той – «С» и девяносто девять! Бывает же такое совпадение! Чудеса! Тоже, должно быть, на юг люди едут.

Из машины никто не выходил, и никто к ней не приближался. Все окна и двери были закрыты. Вадим огляделся, но никого не заметил. В лесу было тихо – ни шороха, ни звука. Машины, едущие по трассе, проносились мимо. Кроме рёва моторов, не доносилось никаких посторонних звуков.

– Чудеса! Да нам-то какое дело? – пожал он плечами и поторопил Олесю: – Ну, давай быстрее. Туда и обратно. Видишь, как нахмурило?

Настоящая гроза еще не начиналась, но дождь уже накрапывал.

Олеся кивнула и направилась к лесу. В ту сторону, где стоял белый «Лансер». Прошла мимо машины и шмыгнула в кусты.

Он тоже отошел в сторонку. Застегнув ширинку, поднял голову и посмотрел на небо. Скорей бы добраться до юга! Надоело тут все! Холод, дожди эти бесконечные. Ехать, скорее ехать!

Ну, где она там? Чего копается?

Олеся возвращалась, и лицо у нее было странное. Бледное, перепуганное.

Он пошел навстречу:

– Что случилось?

– Там. В машине... – кивнула она в сторону белого «Лансера».

– Что в машине?

– Люди. Они какие-то странные.

– Должно быть, спят.

– Не похоже. Посмотри, – очень тихо сказала девушка.

– Ну, пойдем глянем.

Стараясь казаться бодрым и веселым, он направился к «Лансеру». Олеся следом.

Подойдя к новенькой белой иномарке, Вадим прижался носом к стеклу и заглянул в салон. На переднем сиденье их было двое. Женщина, сидевшая

справа, уронила голову и лбом уткнулась в «бардачок», а мужчина, напротив, откинулся на подголовник. Лицо у него было ужасное.

Вадим сразу подумал, что человек отчего-то задохнулся. И тут до него дошло: мотор «Лансера» работал!

Он торопливо рванул на себя дверцу. Запах скопившегося в салоне угарного газашибанул в нос, да так, что Вадим невольно попятился. О, черт! Первым делом он схватился за руку парня, проверить пульс. Пульса не было. Да и так было понятно, что оба мертвы. Но надо бы все же проверить женщину. Хотя если уж парень мертв, то эта субтильная бабенка и подавно: много ли ей надо?

Он обошел машину с другой стороны, открыл правую дверцу. пышные светлые волосы закрывали лицо женщины. Он взял ее тонкую, безжизненную руку, попытался нащупать пульс. Нет пульса, не бьется. Покойница. Невольно Вадим обратил внимание на дорогое обручальное кольцо на правой руке у женщины. Белое золото, платина, и, похоже, настоящие бриллианты. Искусная работа. А тонкие пальцы негнущиеся, ледяные.

Внезапно его охватила брезгливость. Он обернулся: Олесья с позеленевшим лицом побежала в кусты. М-да... Зрелище не из приятных, как бы самого не стошнило. И запах, этот чертов запах! Он потянулся было через блондинку к зажиганию – выключить двигатель, но вовремя опомнился: что он, дурак, делает? Пусть уж милиция разбирается. А этим двоим уже ничем не поможешь.

Мобильник остался в машине. Бежать, звонить? Вот попал! Теперь вместо того, чтобы мчаться по трассе к югу, придется ему дожидаться милиции, рассказывать, как и что, а потом ночевать в ближайшем городишке, какой-нибудь дыре, где и гостиницы-то, скорее всего, нет. Может, в ментовке положат? Его и Олесю. На сдвинутых стульях. Вот тебе и первая ночь! Умора! Хорошо, что до ключа не дотронулся. Не хватало еще, чтобы там остались его отпечатки пальцев! Кто знает, что здесь произошло? Вот попал!

Вадим вновь обошел машину и очутился со стороны водителя. Пересилив брезгливость, взглянул на покойников. Картина, похоже, ясна. Так он и сказал возвратившейся Олесе, пытаясь успокоить скорее себя, чем ее:

– Уснули в машине и задохнулись. Холодно, дождь, окна закрыли, включили печку. И задохнулись угарным газом. Бывает.

– Что же делать? – упавшим голосом спросила она. И достала из висящей на руке крохотной сумочки платочек, вытереть рот.

– Что делать, что делать! А я почему знаю?!

– Может быть, нам надо их вытащить из машины и положить на землю? – неуверенно предложила девушка.

– Ты что, хочешь оживить покойников?

– А ты уверен, что они...

– А ты сама не видишь?! – сорвался он на крик. Потом опомнился. – Извини. Ты здесь ни при чем. Со всяким могло случиться. Но именно мы на них наткнулись. Интересно, кто они такие?

Вадим заметил, что на заднем сиденье, за водителем, лежит барсетка. Вновь пересилив себя, Вадим полез в салон и достал ее. Открыл, увидел красные корочки и вытащил паспорт. На первой странице прочитал: «Лебедев Марат Константинович... 03.07.1978... г. Москва...» И не удержался:

– Эх, как его всего перекосило! На себя не похож!

– Кто?

– Покойник!

– Можно посмотреть паспорт?

– Что посмотреть? – обернулся он и заметил, что девушка вновь позеленела: – Плохо, да? И зачем тебе смотреть его паспорт?

И вдруг он заметил... Кровь, точно! С этого ракурса было видно, что под блондинкой натекла небольшая лужица крови. Только этого еще не хватало! Неужели все-таки убийство?!

– Погоди-ка. – Он сунул паспорт Лебедева в руки Олесе и, обойдя машину, потянулся к женщине.

Аккуратно, за белокурые волосы приподнял ее голову. Искажённое удушьем, почерневшее лицо женщины было испачкано в засохшей крови. Нос разбит, и похоже, что кровь натекла из него. Внимательно все осмотрев, и мужчину тоже, Вадим перевел дух:

– Упала лицом на панель, когда отключилась, отсюда и кровь. Лицо разбила. Трудно будет опознать, но при ней, должно быть, документы есть. А с мужиком все в порядке. В смысле – ни крови, ни синяков.

– Они недавно поженились, в субботу, – тихо произнесла Олеся. – В паспорте так написано. Должно быть, ехали в свадебное путешествие.

– Вот тебе и медовый месяц! – невесело сказал он. – Бывает же так!

Олеся закрыла паспорт Лебедева и стала торопливо запихивать его обратно в барсетку. Вадим кивнул:

– Вот это правильно. Надо оставить все, как есть, до приезда милиции. И вот еще что... – он задумался на мгновение, а потом принял решение: – Я сейчас позвоню, и мы поедем. Не стоит здесь оставаться.

И вдруг зазвонил телефон. Вадим невольно вздрогнул. Не его мобильник, мелодия не та.

Олеся же вытянула из барсетки покойника новенький аппарат и ткнула пальцем в кнопку. Неуверенно поднесла к уху телефон и сказала:

– Да? – А после паузы несколько рассеянно произнесла: – На стоянке, в двухстах пятидесяти километрах от Москвы. Что? – Девушка слушала с полминуты, что говорили ей по телефону, а потом с удивлением посмотрела на мобильник в руке

и сказала: – Отбой дал.

– Кто это? Что он тебе сказал?

– Спросил: «Где вы?» Я так растерялась, что ответила. А потом он начал сердито говорить, что мы сильно отстаем от графика и надо поторопиться. А потом... Потом отключился. И все.

– Дай сюда.

Вадим отобрал у девушки телефон. Определителя номера не оказалось, и сам аппарат был слишком уж простенький. Значит, роуминг есть, а определителя номера нет. Очень интересно! Можно, конечно, нажать на ОК и номер звонившего узнать. Но надо Вадиму это? Нет, пусть уж милиция разбирается. Он сунул телефон Олеся:

– Убери.

И пошел за своим мобильником. Олеся осталась у машины. Только когда Вадим возвратился к ней со своим телефоном, то сообразил: а куда, собственно, он собрался звонить? По 02? В московскую милицию? Сообщить о том, что в двухстах пятидесяти километрах от столицы обнаружены два трупа? Вадим напряженно стал вспоминать, как это делается. Службу спасения вызвать? Справочную набрать, совета спросить? Ну надо же! Впервые в жизни такое с ним случилось! И Вадим растерялся.

Сверкнула молния, и пошел частый дождь, грозящий перейти в ливень. Да черт бы с ними со всеми! Он поежился и решительно скомандовал:

– Лешонок, в машину!

– А они?

Вадим, не отвечая, отмахнулся, и девушка побрела к его «Лансеру».

Он торопливо захлопнул правую переднюю дверцу чужой иномарки, потом, обойдя машину, – так же торопливо левую. Мотор по-прежнему мерно урчал. В

проветрившемся, было, салоне вновь начал скапливаться угарный газ.

«Видимо, у машины какие-то повреждения в системе отопления, – предположил он. И тут же подумал: – Надо бы проверить свою. А то, не ровен час...»

В голове царил полный сумбур, настолько Вадим растерялся.

А дождь разошелся. Олеся торопливо нырнула в салон, он же, выругавшись, тоже побежал к своему «Лансеру», показавшемуся вдруг таким родным. Но все равно промок.

Сев на водительское место, Вадим почувствовал себя полным идиотом. Вот вляпался! Сегодня просто не его день. С самого утра не заладилось.

Сверкнула молния, Олеся ойкнула и сжалась в комок.

– Ничего, Лешонок, сейчас что-нибудь придумаем. Промокла?

– Немножко.

– Зато я словно искупался. В одежде. Погоди-ка, штаны стяну. Да что это я? Какие штаны? А ну-ка, дай мне зонт.

– Зонт?

– Надо ведь в милицию сообщить? Надо! – он решительно стряхнул с себя морок. Гражданин он, в конце концов, или нет?

Вадим выехал на шоссе, затормозил на обочине, метрах в десяти от злосчастной автостоянки, потом вылез и, раскрыв зонт, встал с поднятой рукой. Первой остановилась машина с московскими номерами. Вадим сказал водителю: тут такое дело, что нужен кто-нибудь из местных. Водитель, ехавший на юг с семьей, захлопнул дверцу и уехал. Потом Вадим долго объяснялся с мужиком, на машине у которого были местные номера. Сославшись на то, что ему не по пути, вредный мужик торопливо надавил на газ. Вот трус! Только в четвертом авто, в стареньком зеленом «Москвиче», сидел крепкий дедок, который оказался родом из ближайшего городка.

– Слушай, отец, тут в машине два трупа, – торопливо сказал Вадим. – Люди задохнулись угарным газом. Мы с подружкой случайно их нашли. Будь человеком, как приедешь домой, звякни в местную милицию.

– Да я лучше заеду, сынок. У меня там племянник в больших начальниках ходит. А они точно того? Померли? – с любопытством спросил дед.

– Пойди сам да посмотри, – огрызнулся Вадим. Потом спохватился и уже миролюбиво продолжил: – Ты скажи: мол, на двести пятидесятом километре, на стоянке, задохнулись от угарного газа мужчина и женщина. Белый «Лансер», «Митсубиси». С московскими номерами.

Только когда дед все повторил без запинки и «Москвичонок» тронулся с места, Вадим закрыл зонт и, сев в машину, стал стягивать мокрые штаны. Пожаловался при этом:

– Что за день, а? Но если бы мы сами навестили местных ментов, то и завтра бы отсюда не уехали. Ну, все. Гражданский долг выполнен, можно трогаться! На заднем сиденье сумка, достань мне сухие джинсы, будь добра. Или нет. Они в багажнике. Точно. Достань тогда шорты. Что ты так смотришь? Это мужские трусы. Типа плавки. Я промок, понимаешь? И потерял кучу времени. Чуть ли не час!

Натянув шорты, Вадим потянулся к переключателю скоростей и надавил на педаль. Вперед! Подальше отсюда!

Вскоре Вадим обогнал зеленый «Москвич» и еще прибавил газу. Олеся сидела тихо, только ойкала, когда он шел на слишком уж рискованный обгон. А Вадим все никак не мог успокоиться и гнал машину, не обращая внимания на дождь. Только бы скорее отсюда уехать! Примерно через полчаса черную тучу они обогнали.

Пасмурно, но без дождя

Успокоился он только через час, когда они пролетели километров сто. То самое место было теперь далеко позади. И дождь кончился. Вадим подумал, что не

надо бы так гнать. Что за паника, в конце-то концов? Они с Олесей ни в чем не виноваты. Это стечение обстоятельств, всего лишь. И свой гражданский долг он выполнил.

И тут Олеся, которая от скуки читала вслух названия населенных пунктов на указателях, пискнула:

– Есть хочется. Очень.

– Давай тормознем, – охотно согласился он.

По правую руку он увидел вывеску: «Кафе «Машенька». Уютный домик под малиновой крышей, перед крыльцом – красные зонты с надписью «Кока-кола».

– Мне здесь не нравится, – тихо сказала Олеся.

– Как хочешь, – пожал он плечами. Не нравится так не нравится. Если женщина просит. Ему и самому не показалось, что здесь будет вкусно.

Следующее кафе называлось «Три медведя». Метрах в десяти от него красовалась «Березонька», избушка, сложенная из не ошкуренных березовых стволов. Перед ней дымился мангал, за столиками на веранде ждали ужина дальнобойщики.

Вадим почувствовал, что тоже голоден. Так голоден, что сил больше нет! С утра ничего не ел! Просто позабыл о еде, и все из-за этих чертовых жмуриков! Но Олеся отчего-то отвергла и «Медведей», и «Березоньку».

– В чем дело? – нахмурился Вадим. – Хочешь ты есть или нет?!

– Там люди.

– Ну и что? Везде люди.

– Мне эти люди не нравятся.

– Милая, а ты, оказывается, привереда! На тебя не угодишь! А вот я просто умираю с голоду. Поэтому мы сейчас...

– Вот здесь хорошо.

У маленького пруда стоял неприметный домик, над дверью которого красовалась вывеска «Кафе «Ивушка». Вадим, пожав плечами, поинтересовался:

– А чем «Ивушка» отличается от «Березоньки»? Не вижу принципиальной разницы.

– Я вижу.

– Что ж, ты штурман, тебе и решать. Сворачиваем. – Вадим остановился у кустиков, пояснив: – Штаны надо надеть. Прохладно.

Олеся кивнула:

– Мне тоже надо привести себя в порядок. – И торжественно добавила: – Ведь это наш первый совместный выход на люди.

– Фу-ты, ну-ты! – не удержался он. И насмешливо подмигнул: – Давай действуй!

Девушка щелкнула заколкой и потянулась за косметичкой. Открыв рот, Вадим смотрел на медового цвета волосы, рассыпавшиеся по плечам. У той, в машине с трупам, волосы были крашенные, Вадим видел, как на макушке просвечиваются темные пряди. Олеся же оказалась блондинкой натуральной. Должно быть, ее волосы пахнут лугом. Медом пахнут, цветочной пылью. Окунешь в эти волосы лицо, и на губах останется душистая золотая пыль. Останется ли? Ему вдруг захотелось проверить, так ли это?

Девушка словно почувствовала что-то и подняла на него удивленный взгляд.

Вадим отчего-то смутился и, подхватив сумку, торопливо выскочил из машины. Переодевался он в кустах. Закончив, подошел, постучал согнутым пальцем в стекло:

– Сеньорита, она же мадемуазель. На выход.

Олеся кивнула: иди, мол, я сейчас. Он покачал головой: ох уж эти женщины – мусорное ведро не пойдут выносить без макияжа! Вздохнул и направился в кафе один. По дороге подумал, что надо бы машину помыть. Номер наполовину заляпан грязью. Неудивительно: дожди идут по всей средней полосе России, дороги развезло. Когда Вадим сворачивал сюда, к пруду, заехал колесом в колдобину. Вот смешно будет приехать на солнечный юг на грязной машине!

На пороге избушки стоял мужик, рот у которого оказался полон золотых зубов, и, когда хозяин кафе улыбался, невольно хотелось зажмуриться. В серых сумерках улыбка эта вполне могла заменить искусственное освещение. Вадим удивился: с чего вдруг такая радость по поводу его прихода? Или здесь всех так встречают?

– Пожалуйста, дорогой, проходи. Давно ждем.

Да, сервис нынче стал на грани фантастики. Встречают, как дорогого гостя, а если он, кроме полуторалитровой бутылки кваса, ничего не купит? Такие дорогие в прямом смысле слова улыбки надо бы придержать для дорогих в прямом смысле слова клиентов. Вадим почувствовал себя неловко и на пороге замялся. В другое место, что ли, поехать? Он обернулся и тут увидел Олеся.

Та шла к кафе неуверенной походкой, но, мать честная, как же эффектно она выглядела! Вместо прежней одежды в стиле «унисекс» девушка накинула на плечи короткую кожаную курточку цвета переспевшей вишни. «А ведь это любимый цвет моей бывшей жены», – невольно подумал Вадим. Эля терпеть не могла красного, но сходила с ума по наиболее темным его оттенкам. Бордо, малиновый, вишневый – этот репертуар Вадим знал наизусть. Да и фасон этой курточки был в стиле его бывшей: без так называемых наворотов, простенько, но с отменным вкусом. Ни убавить, ни прибавить.

Олеся оказалась еще и в темных очках, тоже весьма примечательных: на дужках вкрапления винного цвета стразов, оправка такого же цвета, как и курточка.

Вадим сразу понял, что вещи дорогие и стильные. Откуда они у Олеси? У девушки, которая приехала в Москву просить пятьсот долларов у родственницы? Пятьсот долларов? Ха-ха! Да одни очки стоят никак не меньше двух сотен! Не

говоря уж о куртке! Эля научила его разбираться в брендах!

Когда Олеся подошла, он со злостью сказал:

– Так... Из провинции вещички, значит.

И тут он заметил, что девушка чувствует себя неловко. Мало купить стильную вещь, надо еще уметь ее носить. Эля умела, она словно родилась для роскоши. Стильные курточки на фирменных плечиках и брючки сорок второго размера, томящиеся на полках дорогих магазинов, как будто ждали именно ее. Хрупкую женщину с волосами цвета гречишного меда.

Олеся же носить такие вещи не умела. Курточку накинула на плечи, отчего Вадим сразу же заподозрил, что одежда эта девушке просто-напросто мала. Значит, с чужого плеча. Ограбила кого-нибудь? Олеся?!

Увидев ее, золотозубый улыбнулся еще дороже, на тысячу у. е., никак не меньше, если учитывать стоимость его зубов:

– Прошу, прошу!

– Мы торопимся, – сухо сказал Вадим, проходя в кафе. – Нам только сухой паек. Все с собой.

– Конечно, конечно! Давно все готово, – заспешил вдруг хозяин. И крикнул: – Маша! Давай сюда пакет!

Высокая полная Маша, увенчанная роскошной русой косой, словно короной, выплыла из-за перегородки и протянула им объемистый пакет, на котором красовалась реклама сигарет «Мальборо».

– Что здесь? – с удивлением спросил он.

– Три порции шашлыка, боржоми, кетчуп, лаваш, зелень, бутылка отменного красного вина для дамы... – начал перечислять хозяин.

– И во сколько мне все это обойдется? – хмуро спросил Вадим, подумав, что если уже по дороге выбрасывать серьезные суммы, на отдыхе придется ограничивать себя в разного рода удовольствиях. А не хотелось бы.

– О чем речь? – вполне натурально обиделся хозяин. – Все оплачено, дорогой! Кушайте на здоровье! И от души поздравляю! С законным вас бракосочетанием! Такая красавица! Хорошая жена тебе будет!

Маша тоже приветливо улыбнулась, качнув короной. Вадим оторопел.

Олеся же наступила ему на ногу и взяла пакет. Улыбнулась хозяевам и сказала:

– Спасибо большое. Но мы действительно очень торопимся.

– Знаю, все знаю, – кивнул золотозубый.

Пакет девушка сунула Вадиму со словами:

– Иди в машину. А я руки помою. – И глянула на хозяина: – Можно?

– Конечно, дорогая! Для тебя все можно! Маша! Покажи!

Маша чуть нагнула коронованную косой голову и поплыла за перегородку. Олеся, сняв солнцезащитные очки, двинулась следом.

Вадим помялся, раздумывая. Как поступить? Начать выяснять, что происходит, почему его вдруг поздравляют с бракосочетанием и в честь знаменательного события вручают подарок? Или же, приняв дары, молча уйти? И почему Олеся не протестует?

Она вскоре появилась из-за перегородки и еще раз всех поблагодарила. Потом направилась к выходу, а Вадим двинулся за ней, неся в руках злополучный пакет. На пороге девушка вновь нацепила очки, хотя на улице было пасмурно, и первой стала спускаться по ступенькам. Вадим, скрипнув зубами, следом. Золотозубый хозяин и королева Мария стояли на пороге и махали им вслед. Хорошо, что не крикнули «горько!» и не заставили «молодых» целоваться.

Вытерпел Вадим только до машины. Олеся первой залезла в салон и вольготно расположилась на переднем сиденье. Упав на водительское место, Вадим зло хлопнул дверцей, потом резко развернулся к девушке и спросил:

– Что происходит?

– Ты о чем? – невинно спросила Олеся.

– Во-первых, откуда у тебя эти вещи? Куртка, очки?

– Тебе не нравится?

– Не в этом дело! Они же стоят бешеных денег!

– А ты откуда знаешь? – слегка удивилась она.

– То, что я – мужик простой, на «Лансере» езжу, а не на «БМВ», еще ни о чем не говорит! В женских шмотках я кое-что понимаю!

– А я нет, – пожала плечами Олеся. – Если бы я знала, что эти вещи безумно дорогие, ни за что бы их не взяла.

– Не взяла у кого?

– У своей родственницы, у кого же еще? Она их мне буквально навязала. Деньгами, говорит, помочь не могу, но у меня есть вещи, которые мне разонравились, но из моды еще не вышли. Возьми, мол, в качестве подарка и не обижайся на меня. Я и взяла. Курточка вот только оказалась маловата. Я же хотела тебе понравиться, – с обидой сказала девушка.

– Допустим. Но почему ты взяла пакет с едой? Почему ты не протестовала, когда нас назвали молодоженами?

– Какой же ты... – На глазах у девушки выступили слезы. – Мне надо было сказать, что я тебе никто? Еду на юг с первым встречным? Хочешь, чтобы обо мне так подумали? Это жестоко!

– Но...

– Было так приятно, что меня считают твоей законной женой, и, вместо того чтобы испытывать ко мне презрение, эти люди радуются моему счастью. И поздравляют. Думаешь, мне легко? У меня, между прочим, до тебя никого не было! – со слезами в голосе крикнула она.

Вадим мысленно отметил, что и его у нее еще не было. Но в целом Олеся права. Если она – честная девушка, то ей гораздо приятнее чувствовать себя законной женой, чем случайной любовницей. Вот только пакет...

– А что будет, если приедут те самые?...

– Кто?

– Ну, молодожены. Те, которых действительно ждут?

– Они бы давно уже приехали. Может, передумали?

– И все-таки я чувствую себя вором.

– Что ж, иди и отдай все назад. А я есть хочу.

– Я вообще-то тоже.

Он заглянул в пакет. Вытащил оттуда бутылку вина. Красное полусладкое, «Алазанская долина». Эля обожает это вино. И бутылка солидная, из толстого темного стекла, с сургучными печатями, не дешевка какая-нибудь. Дорогое вино для дорогой женщины. Почему же ему везде мерещится Эля? Вещи, как у Эли, любимый цвет Эли, вино, которое обожает Эля... Словно она незримо присутствует в его машине. Это все потому, что он постоянно думает о ней. Вадим тряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения, и сказал:

– Хорошо. Я возьму этот пакет, только давай поскорее уедем отсюда. Время дорого, и я не хочу столкнуться с молодоженами, если те вдруг объявятся.

Олеся кивнула, и он тут же завел мотор. Отъехал от гостеприимной «Ивушки» он так же быстро, как и от автостоянки, где были обнаружены жмурики. Шашлык Вадим жевал по дороге, Олеся держала на коленях тарелочку с едой, и когда он просил пить, наливала колу в пластмассовый стаканчик, который протягивала ему. Вино они решили выпить вместе, когда остановятся на ночлег. Сама Олеся ела неохотно, словно бы через силу.

Долгое время они ехали молча. Наконец, Вадим глянул на приборную доску и сказал Олесе:

– Без пяти десять. Ты не устала?

– Нет, – покачала она головой.

И тут... Он вздрогнул, потому что раздался телефонный звонок. Тот самый. Мелодия, от которой Вадима теперь все время будет бросать в дрожь.

Олеся покосилась на него, потом достала из сумочки мобильник и поднесла к уху:

– Да?

Он так растерялся, что не сразу сообразил: надо бы выхватить у нее из рук этот треклятый телефон! Девушка через короткие паузы, во время которых, видимо, говорил ее собеседник, три раза сказала «да». И ничего больше. А когда Вадим добрался-таки до телефона, в трубке уже было молчание.

И тут он начал кричать:

– Ты что творишь, а?! Зачем ты его взяла?! С кем говорила?! Дура ненормальная!

Она сначала покраснела, а потом стала всхлипывать:

– Ты же сказал: «Убери». Я и убрала телефон.

– Я имел в виду, чтобы ты положила телефон на место! Туда, откуда взяла! И не прикидывайся дурочкой! Я все равно не поверю!

– Чему? Да, я его взяла! Потому что он такой красивый...

– Поигратся, значит, захотела? – зло прищурился Вадим. – Девчонка! Кого обманываешь? И кто он?

– Я не понимаю...

– С кем ты разговаривала?!

– Я не знаю.

– Но ты с ним разговаривала!

– Я просто слушала. Мне же интересно!

– И что ты услышала такого интересного? – ехидно спросил он.

– Он опять сердился, говорил, что мы сильно отстаем от графика.

– И все?

– Да, – сказала она точно так же, как и пять минут назад тому, кто звонил. С такой же интонацией.

Вадим никак не мог понять, что все это означает? Неужели он поверит в такую детскую наивность? Вадим так и сказал:

– И ты хочешь, чтобы я поверил в то, что вы с ним не знакомы?

– Можешь верить, можешь не верить, но мы не знакомы, – тихо, но твердо сказала Олеся. – Он понятия не имеет, с кем говорит. Должно быть, принимает меня за другую. И все время спрашивает, почему именно я беру трубку. Я догадалась, что разговаривать с ним должен был мужчина.

– И почему ты все не объяснишь ему?

– Он не слушает. Слова мне не дает вставить. Очень торопится и не хочет слушать моих объяснений.

– Так... – Вадим посмотрел на нее со злостью и решительно сказал: – В следующий раз с ним и в самом деле будет разговаривать мужчина. То есть я. И если ты здесь действительно ни при чем, то отдашь мне этот телефон.

– Хорошо, – послушно кивнула она. И спросила: – Сейчас отдать?

– Дай-ка прикинуть... В начале шестого, на стоянке... Потом в десять... Может, он среди ночи разбудит, чтобы поинтересоваться, укладываемся ли мы в график? Скорее всего, так.

– Можно телефон еще немного побудет у меня? – жалобно попросила Олеся. – Он такой красивый!

– Либо ты прикидываешься, либо...

Он, убей, не понимал, что происходит? А может, Олеся и в самом деле наивная дурочка? Которая в куклы еще не наигралась? И все-таки у Вадима возникло ощущение, что он попал в очень неприятную историю. Некто втянул его в игру, смысла которой он пока не понимает. Но, похоже, что его используют втемную. И что теперь делать?

«Ехать, – сказал он себе. – Вперед, не останавливаясь».

Возвращаться бессмысленно, он уже прочно во все это вляпался, а телефон у Олеси он отберет чуть позже. Не похожа она на преступницу, и в машину к нему попала случайно, но всякое в жизни бывает. Надо понять, кто она такая?

Ночь, изморось

Километров через сто погода вновь испортилась. На лобовом стекле появились водяные брызги. Стремительно темнело. Дорога в этом месте оказалась плохая, и Вадим почувствовал, что смертельно устал и ехать дальше не может, но внезапно кое-как заделанные колдобины сменились широченной четырехполосной трассой, заново заасфальтированной. И словно второе

дыхание открылось. Ехать по такой дороге было одно удовольствие.

– Ну что, Лешенок? – подмигнул он Олеся. – Еще столичек отмахнем, а?

Показалось, или она действительно вздохнула с облегчением? И согласно кивнула. Вадим никак не мог понять, что за всем этим кроется? Либо девушка боится остановки на ночлег и их неизбежной близости, либо... Опять это либо! А проверить можно одним только способом. Переспать с ней, и тогда выяснится, кто перед ним: робкая девица или наглая особа, которая уверенно ведет свою партию. Не соло, но подголосок. А солист – тот самый парень на другом конце эфира. Если так, то актриса Олеся потрясающая, надо отдать ей должное!

Они снова ехали молча. Олеся дремала или делала вид, что дремлет. Он же задался целью проехать в первый день как можно больше и целиком сосредоточился на выполнении поставленной задачи.

Девушка проснулась около полуночи, сонно потерла глаза и зевнула:

– Где мы?

– Посмотри по карте.

Олеся полезла в бардачок. Потом зашуршала картой и пожаловалась:

– Темно. Ничего не могу прочитать.

Он подумал: если зажечь в салоне свет, трудно будет следить за дорогой, и посоветовал:

– Тогда смотри по указателям. Они освещены.

Еще минут двадцать Олеся развлекала себя чтением надписей. Если название было забавным, хихикала совершенно по-детски. Так, что он опять начал мысленно ругать себя. Заподозрил черт знает в чем наивную девчонку! Кретин!

Дорога же, как назло, опять испортилась. Когда машина начала подпрыгивать на ухабах, жалобно при этом дребезжа, Вадим пару раз не выдержал и

выругался. И почувствовал, как на него вновь наваливается смертельная усталость.

И вдруг Олеся пискнула:

– Ой! Через два километра кемпинг! Называется «Алан». Может, остановимся?

– Устала?

– Да. Очень. – Она вдруг спохватилась: – Но ты-то устал еще больше!

– Спасибо за заботу, – буркнул он. Но не мог с ней не согласиться.

Уже перевалило за полночь, и погода испортилась, так что можно было запросто слететь в кювет. Вадим почувствовал, что больше всего на свете хочет оказаться сейчас в постели. Растянуться во весь рост, закрыть глаза и провалиться в блаженное забытие. Поэтому, когда через два километра они увидели стрелочку и крупную надпись «кемпинг здесь», Вадим свернул туда без колебаний.

На глухом заборе мышиного цвета он разглядел огромные буквы: АЛАН. Ворота были открыты, за ним сплошняком стояли фуры. Вадим с сожалением сказал:

– Должно быть, мест уже нет. Поздно приехали. В машине придется спать.

Вспомнились вдруг те двое, в новеньком белом «Лансере», и Вадим невольно вздрогнул. Только не с включенной печкой! Упаси бог!

Въехав в ворота и миновав заасфальтированную площадку, на которой в ряд стояли фуры, они с Олесей очутились во дворе. Мужчина, сидевший на крыльце, тут же вскочил. Сверкнула золотозубая улыбка. Вадим невольно вздрогнул: брат-близнец хозяина гостеприимной «Ивушки»! И этот так же поспешил навстречу и оказался столь же приветлив!

– Пожалуйста, пожалуйста! Заждались вас! Вот тут местечко, проезжайте.

– Нам бы номер, – не очень уверенно сказал Вадим, приоткрыв дверцу. Весь двор был заполнен легковыми машинами. Какой уж тут номер!

– Все готово, – широко улыбнулся золотозубый. – Номер для новобрачных. Жена сама убирала.

Вадим в бешенстве воззрился на Олесю. Ее штучки? Девушка невинно улыбнулась и пожала плечами:

– Откажемся? Ты же с ног валишься от усталости!

Он вылез из машины и с усмешкой осведомился:

– Номер, разумеется, оплачен?

– Обижаешь, дорогой! Кто думает о деньгах, когда такое событие! Свадьба! Все в номере: фрукты, вино. Шашлык сейчас принесу. Наслаждайся, дорогой, – сверкнул золотыми коронками хозяин кемпинга и крикнул: – Белла! Дорогие гости прибыли!

Чернявая симпатичная Белла сбежала с крыльца и захлопотала вокруг них, словно курица-наседка. Вадиму даже стало неловко. Кто-то заранее оплатил номер и позаботился о том, чтобы молодые ни в чем не нуждались, а он собирается нагло этим воспользоваться. Никогда он не был вором, крутился, конечно, как мог, но чужой копейки не взял. Вот и сейчас собирался от нежданного подарка отказаться.

Но Олеся, видимо, почувствовав это, опередила Вадима.

– Неужели ты не понял, что они уже не приедут? – шепнула она.

– Ты хочешь сказать... – И до него вдруг дошло! Вот за кого их везде принимают! Да и номер его «Лансере» заляпан грязью как раз в том месте, где изображена буква «С» и последние две цифры! А если сейчас взять да вылить на этот номер ведро воды?

Вадим припомнил дорогое обручальное кольцо на пальце у блондинки. Платина, бриллианты. Такие дорогие вещи простым смертным не по карману. Покойники-то были люди со средствами! Олеся права в одном: им теперь все это уже не понадобится. Номер для новобрачных, цветы, фрукты, вино...

С неба сыпалась все та же неприятная изморось. Склизкая, холодная, как лягушачья кожа. Вода хлюпала под ногами, и создавалось ощущение, что вокруг не просыхающее болото. А в номере, должно быть, тепло. Чисто, светло, сухо. Ох, как же ему захотелось очутиться там поскорее!

Словно опять прочитав его мысли, Олеся поспешила вслед за хозяйкой к одноэтажному зданию, похожему на барак. Штукатурка местами облупилась, шифер на крыше позеленел от времени.

Вадим замер под дождем, впитывая в себя, словно губка, липкую влагу и все еще чего-то ожидая. Когда совесть проснется? Ха!

– А во сколько мы должны были приехать? – осторожно спросил он у хозяина.

– С семи часов вечера вас ждем, дорогой, – охотно пояснил тот.

– У нас была поломка. – Господи, какая поломка! Машина с иголки! Врать надо умеючи. Но хозяин кивнул:

– Понимаю. Может, механику сказать?

– Нет, спасибо. Пустяки.

Он прикинул. Значит, они отстали от графика не меньше чем на пять часов. Чем это может грозить «солисту»? Серьезными проблемами? Возможно. А если это просто друг семьи, который решил подарить людям медовый месяц без забот и хлопот? В самом деле: как красиво! Ты едешь на юг с молодой женой, тебя везде ждут, встречают улыбками, поздравляют, все оплачено. Подарок так подарок! Королевский! Хорошо иметь таких друзей, черт возьми!

Олеся давно уже скрылась в кемпинге вместе с чернявой Беллой, а он все сомневался. Вправе ли он принять такой подарок от незнакомого человека? Не им ведь предназначен. А девушка угрызений совести отчего-то не испытывает. Но решение должен принять он, мужчина. Потому что, предложив ей место в своей машине, он принял на себя определенные обязательства по отношению к этому воробышку. По крайней мере на неделю. Пока не посадит ее на поезд и не отправит домой к маме.

Все-таки, поборов себя, он прихватил бутылку вина, запер машину и направился к кемпингу. Снаружи одноэтажное здание было неказисто, но внутри оказалось чистенько и уютно. Небольшой холл был отделан янтарным деревом, на стенах красовались пейзажи в аккуратных рамочках, на журнальном столике обосновалась ваза с живыми цветами.

Первая дверь, та, что справа, была распахнута. Слышалось щебетание Олеси. Она умела так искренне радоваться, что, наверное, всех окружающих заражала своим детским восторгом. Вадим вошел в комнату и увидел: есть, чем восхищаться.

В просторном трехместном номере было по-домашнему уютно. Две кровати, тумбочка, стол застелен белоснежной скатертью, в хрустальной вазе стоял огромный букет, рядом блюдо с фруктами: сочные персики, бананы, абрикосы, виноград. И бутылка вина. Вадим невольно вздрогнул: «Алазанская долина»! Точно такая же, как у него в руках! Призрак бывшей жены словно появился на пороге. Эля улыбалась, щурила свои плутовские глаза и лукаво спрашивала: «И как тебе это, дорогой?»

«Дурацкие у тебя шутки, милая», – мрачно подумал он.

Белла все время спрашивала, понравилось ли, не надо ли чего еще дорогим гостям, говорила, что вода в душе горячая, а кафе работает круглосуточно. Она все говорила, говорила, говорила... А точнее, журчала. Было такое ощущение, что и здесь, в номере, беспрерывно льется вода. Потом хозяйка оставила их, наконец, одних, пожелав на прощание счастья.

Когда за ней закрылась дверь, Олеся не выдержала и от восторга, совершенно по-детски, захлопала в ладоши:

– Как здорово, Вадим! Как мне здесь нравится! Ой, посмотри! Даже телевизор есть! Большой! Цветной! А белье просто белоснежное! Накрахмаленное! А фрукты? Я бы на всю жизнь здесь осталась!

Он вдруг подумал: а что она в жизни видела? Уж, конечно, не было в ней, двадцатилетней жизни этой, ни кемпингов, ни южных курортов, ни шмоток дорогих, ни приключений, достойных героев боевика. Она боится, что и не будет

больше никогда, вот и стремится ухватить сразу все. Чтобы воспоминаний осталось потом на всю жизнь. Какое он имеет право осуждать эту девочку?

Он водрузил на стол бутылку вина, рядом с той, что уже там была, и со вздохом спросил:

– Ты первая в душ?

– Нет, иди ты. Я еще тут не осмотрелась.

– Тебе правда нравится? – усмехнулся он.

– Очень! – произнесла Олеся с таким искренним восторгом, что он не мог ей не поверить и заподозрить, что все это лишь умело срежиссированный и мастерски сыгранный спектакль.

Он достал из сумки чистое белье, гель, зубную щетку и отправился в душ. Олеся же с радостным писком научившегося летать птенца повалилась на кровать и прижалась лицом к подушке. Он увидел блестящие от восторга карие глаза, покрасневшие нежные щеки и с усмешкой подумал: «А кровать-то – двуспальная!»

Вадим с наслаждением смывал пот и усталость, прикидывая, хватит его на что-нибудь сегодня ночью или уже не до того. Не обидеть бы девочку, а в таком состоянии он способен только на жуткий эгоизм. Никак ни на ласку и нежность. Ладно, все решать ей.

А Олеся, видимо, все уже для себя решила, потому что вторую кровать разбирать не стала. Когда он вернулся, упорхнула в душ. Не было ее долго.

Белла принесла шашлык, накрыла на стол. Когда хозяйка ушла, Вадим лениво пожевал мясо, выпил немного вина, и тут же уставшее тело охватила истома. Он с наслаждением растянулся на кровати, закрыл глаза. Где же она? Вадим уже чувствовал, что засыпает. Тепло, хорошо...

Наконец вернулась Олеся, заперла дверь и нырнула к нему под одеяло, прошептав:

– Ты не спишь?

Целоваться она не умела. И что касается остального – увы! Студент туристической академии не научил ее ничему стоящему. На мгновение Вадиму даже стало откровенно скучно. Потом он аккуратно расстегнул ее простенький бюстгальтер, и пальцы почувствовали нежную, шелковистую кожу.

Руки скользнули ниже, осторожно прошлись по ее талии, бедрам. На ощупь девушка оказалась гораздо плотнее Эльки. И грудь размера на два больше. Вадим невольно вспомнил гибкое тело бывшей, ее нежные косточки. Она не терпела однообразия и пассивности. Хотя разбирать ее по всем статьям, так Элька никакой критики не выдержит. И тело у нее змеиное, и груди почти нет, и руки холодные. И вот, поди ж ты! Приворожила прямо! А ведь у него вот уже несколько месяцев не было женщины! В личной жизни ноль, пустота.

Он попытался отвлечься от мыслей о бывшей жене. Если хочешь, чтобы что-то получилось, по крайней мере не надо сравнивать. Теперь он уже не сомневался, что Олеся невинная девушка. Неопытная, неумелая.

Вадим невольно отстранился.

– Я тебе не нравлюсь? – тихо спросила Олеся.

– Нравишься.

– Я неловкая, да? Ничего не умею?

– Ты просто еще маленькая.

Она, видимо, хотела повзрослеть. Именно сегодня, сейчас. Но, то ли он действительно слишком сильно устал, то ли все еще был очарован Элькой, но желание заниматься любовью пропало окончательно. Рядовой секс, вероятно, возможен, но надо, чтобы было нечто особенное. Ей надо.

Он со вздохом поправил ее простенькие белые трусики, натянув их обратно на упругую попку, и сказал:

– Давай спать.

Она чуть не расплакалась. Вот женщины! Пойми их! И чего, спрашивается, надулась? В постель тащишь – мерзавец, предлагаешь вместо любви дружбу – так просто гад.

Ее бы за руль посадить на весь день! Да еще эти чертовы трупы! Если бы он устал чуть меньше и не испытал бы таких нервных перегрузок, возможно, все в итоге было бы хорошо. По крайней мере он нашел бы нужные слова, чтобы ее утешить. Но сил не осталось, поэтому Вадим отвернулся к стене и заснул почти мгновенно.

Спал Вадим крепко и сквозь сон услышал знакомую мелодию, после чего невольно покрылся холодным потом. Звонил мобильный телефон, тот самый. Случилось это уже под утро. Он попытался проснуться, но не смог. А может, это лишь сон... Надо было все же отобрать у девчонки телефон... Надо было... Отобрать... И он вновь впал в забытие...

Проснувшись, он не сразу сообразил, где находится. Глянул на часы: половина восьмого. Время, когда он обычно просыпается, чтобы пойти на работу. Условный рефлекс. Олеси рядом не было. Пока он соображал, что к чему, она вошла в комнату, юная, свежая, как утро. Улыбнулась, как будто ночью ничего не случилось, и сказала:

– Привет. А там солнце!

Переменная облачность

Насчет солнца она, конечно, погорячилась. Разве что облаков стало меньше и погода немного улучшилась. То есть надоевший до чертиков дождь закончился.

Умывшись, Вадим вышел во двор и сладко потянулся. Одинокий солнечный луч попытался тонкой острой иглой прошить насквозь облака и, словно испугавшись собственной смелости, сверкнул, как огонек зажженной в сумерках спички, и торопливо исчез.

Хозяин кемпинга уже спешил к дорогому гостю:

– Завтракать, пожалуйста!

– Мне бы кофейку.

– В кафе накрыть или в номере? – угодливо спросил хозяин.

– В номере.

– Понимаю.

Да что они все понимают! Узнать бы, кто устроил ему этот медовый месяц! Взять тот самый телефон и набрать номер. И сказать: «Послушай, мужик, я не знаю, какие у тебя планы, но с моими они никак не совпадают. И пошел бы ты ...» Но тут Вадим с досадой вспомнил, что уже дважды воспользовался дарами данайцев. Так или иначе, телефон у девчонки все равно надо забрать.

Олеся суежилась у стола. Вадим сразу отметил, что в номере порядок, кровать аккуратно заправлена, грязной посуды нет. Увидев его, девушка лучезарно улыбнулась:

– Сейчас будем завтракать.

– Телефон, – хмуро сказал он.

– Что?

– Телефон отдай.

Она послушно полезла в сумку. Без возражений протянула то, что он просил:

– Вот. Пожалуйста. И прости меня.

Он повертел в руках симпатичный мобильный аппарат. После кукол игрушка что надо! Разве девчонка могла устоять? Вадим нажал на ОК, и высветился номер. «Солист» звонил с мобильного, это понятно. Еще раз нажать на ОК? Поговорить? Олеся молча следила за его манипуляциями. С любопытством: как поступит

мужчина? И Вадим решил: не стоит. Первый день отпуска безнадежно испорчен, но на этом все. Точка. К черту «солиста»! Надо забыть о его существовании. Забыть о новеньком белом «Лансере», номер которого отличается на одну букву и две последних цифры. Забыть о трупах на переднем сиденье. Забыть...

И он молча сунул мобильник в свою сумку. В дверь постучали. Белла принесла кофе. Подскочившая к двери Олеся выхватила у нее из рук поднос, защебетав:

– Спасибо, спасибо, я сама!

Она порхала по номеру, как бабочка. Легко, неслышно. Едва дотрагивалась до привычных вещей, и те мгновенно оживали, становясь волшебными, и вот уже завтрак на столе, а девчонка все суется, поправляя то скатерть, то покрывало на безупречно застеленной кровати.

– Да сядь ты уже! – сказал он с невольным раздражением.

Элька, та и не дернется. Для нее, что мытье посуды, что стирка, что уборка – это подвиг. Совершив его, жена всегда ждала восторженного одобрения и неременной компенсации. Хотя бы поход в магазин. Так что, если денег у Вадима не было, уборку он делал сам, предпочитая вариант баш на баш. «Ты моешь, я стираю, ты гладишь белье, я беру в руки пылесос». Причем при подсчете очков Элька все равно его надувала. Так почему он теперь-то злится?

Уловив в его голосе раздражение, Олеся тут же присела на краешек кровати, сложила руки на коленях, как послушная девочка, и замерла.

– Вольно, – улыбнулся он.

Девушка тут же ожила и потянулась к чашке с кофе. Сделав маленький глоток, спросила:

– Можно я телевизор включу?

– Разумеется.

Он и сам был не прочь послушать утренний выпуск новостей. Мало ли что могло случиться за сутки! Может, курс доллара взлетел до небес и рынок теперь лихорадит? Покидая столицу на несколько дней, никогда не знаешь, к чему вернешься. Вспомнить август девяносто восьмого: улетел с Элькой в Турцию туристом беззаботным, а вернулся безработным...

Но после анонса новостей Вадим понял: в стране полный штиль. Можно расслабиться и отдохнуть. Итак, что там показывают по «ящику»?

... Открытие пляжного сезона в столице: на причале лодочной станции группа людей, посиневших от холода, мокнет под непрерывным дождем. Спасатели радуются оранжевым непромокаемым жилетам: хорошо греют...

... Экономисты, озабоченные падением курса, делают прогнозы. Как и всегда в начале лета, обещают в конце августа непременный кризис...

И вдруг:

– Только что поступило срочное сообщение. Сегодня ночью во дворе дома, в котором он проживал, убит исполняющий обязанности генерального директора компании «СИЛКоБытХим», крупный предприниматель Дурнев Константин Иванович. После того как два месяца назад при похожих обстоятельствах застрелили владельца «СИЛКоБытХима» Илью Михеева, господина Дурнева, одного из главных держателей акций компании, выдвинули на пост генерального директора, и, согласно поступившей информации, на следующей неделе его должны были утвердить в занимаемой должности. Следствие разрабатывает несколько версий, не исключено, что преступление совершено на бытовой почве. Но наиболее вероятно, что убийство связано с предпринимательской деятельностью Константина Дурнева. Это уже не первый случай, когда...

Точно: не первый. На красивом лице дикторши полное безразличие. Даже скрытого торжества нет: так им и надо, сволочам-олигархам!

Этих бедолаг в последнее время взялись отстреливать, словно пришла соответствующая директива: уменьшить поголовье. Вот и какой-то К. И. Дурнев так и не будет теперь утвержден в должности гендиректора какой-то «СИЛКоБытХим». Название компании Вадиму на глаза и ранее попадалось, но

сказать конкретно, что сие такое...

– ... подъехал к дому на машине, за рулем которой был личный шофер. Высадив Дурнева, тот решил отогнать машину в гараж и, уже отъехав от дома, услышал выстрелы. Константин Дурнев был убит тремя выстрелами в упор, оружие убийца оставил на месте преступления. Подбежавший шофер увидел только спину высокого мужчины, одетого в черную куртку и джинсы, и кинулся к лежащему на земле хозяину...

– Лешенок, ты чего?

– Так...

– Хорош чертяка, ничего не скажешь! – сказал он с откровенной завистью. Журналистка брала интервью у личного шофера Дурнева, и у нее на лице было то же самое выражение, что сейчас у Олеси. Мечтательное. «Ренат Гусев, шофер», – мелькнула строчка внизу экрана.

Шофер был красив просто до неприличия. Неприличие это заключалось в том, что, увидев Рената Гусева, женщины невольно цепенели. После чего делай с ними, что хочешь!

Приглядевшись, Вадим понял, в чем загадка смазливового парня. Фантастические глаза! Ресницы необыкновенно длинные и густые, взгляд обволакивающий, томный, и цвет редчайший, фиалковый. Похоже, даже если красавец-шофер думал о загудевшем подшипнике или тарелке наваристого борща, взгляд у него не менялся. Он был такой же обволакивающий и манящий, как сейчас, когда Гусев рассказывал об убийстве хозяина. Парню в Голливуде бы сниматься, а не Дурнева возить!

Ренат Гусев говорил медленно и без малейшего акцента, но создавалось впечатление, что правильная русская речь дается ему с большим трудом. Наверняка приезжий, откуда-нибудь из Средней Азии, или «дитя гор».

– ... назначена встреча. Константин Иванович поехал туда один, сказав, что останется на даче у Сидоренко до вечера. Сергей Петрович Сидоренко – его заместитель. Они основали компанию втроем: Михеев, Сидоренко и Дурнев, – охотно пояснил шофер. – После смерти Михеева первый зам., то есть мой шеф,

стал генеральным. Правда, и. о., но в том, что его утвердят, никто не сомневался.

– А теперь, стало быть, его место займет Сидоренко? – уточнила корреспондентка, сладко улыбаясь. Она смотрела на Гусева так, словно хотела его съесть.

– Этого я сказать не могу, – вяло отреагировал Гусев. – Не мое дело. Я хозяина вожу. Но к Сидоренко он сам поехал. Константин Иванович сказал, что позвонит мне на мобильный и укажет, когда за ним приехать. Так и было. Он выпил, это я понял сразу...

– То есть был пьян?

– Я сказал: выпил... – Глаза у Гусева сверкнули, сказался южный темперамент. Обожженная их пламенем журналистка невольно отшатнулась. Шофер же, словно нехотя, продолжил: – В машине молчали, хозяин вообще со мной не откровенничал. Я высадил его у подъезда, он сказал: «Поезжай, Ренат». Окна на втором этаже светились. Кухня и спальня. Его ждала жена. Он пошел к подъезду, я поехал.

– Никого в это время не заметили?

– Было темно. Холодно, дождь. Домой очень хотелось. Отпустили – уехал. Слышу, за спиной вроде как выстрелы. Тормознул. Сдал назад. Из машины выхожу – он лежит. Я к нему. Мертвый.

Речь шофера вдруг стала краткой. Рубленные фразы, минимум эмоций. Теперь каждое слово девица с микрофоном вытягивала из него будто клещами, как намертво вколоченные гвозди из дубовой доски.

– И что дальше?

– Вызвал «скорую». Потом милицию. Потом позвонил жене хозяина. Она спустилась. Плакала.

– Убийцу можете описать?

– Видел со спины. Высокий. В черной куртке. Бежал быстро. Скрылся в подворотне.

Появившийся на экране сотрудник следственных органов скучно разложил давно уже приевшийся пасьянс дежурных фраз. «Предположительно заказное», «связано с предпринимательской деятельностью», «пока не разглашать», «в интересах следствия» и как итог: «делаем все возможное». «Подняты по тревоге» – это уж само собой.

Вадим невольно зевнул:

– Все понятно: деньги не поделили. Кто-то очень не хотел в генеральные этого Дурнева. Может, переключим, Лешонок?

– Сейчас погоду скажут.

– Да... Погоду... Почему мне знакомо его лицо? – спросил он задумчиво.

– Кого? – безразлично поинтересовалась Олеся.

– Шофера. Показалось, должно быть. Вообще-то у меня хорошая память на лица. Вот на имена – плохая. Нет, где-то я его определенно видел. Но где? Когда? – И тут Вадим спохватился: – А мне это надо? – И сам же ответил: – Не надо.

Олеся прилипла к экрану, потом радостно сообщила:

– Сказали, что в Краснодаре плюс двадцать пять!

– Значит, сегодня вечером будем греться на пляже.

– Даже не верится!

– Давай, Лешонок, собирайся. Спасибо этому дому, пойдем к другому. Девятый час, пора в путь. Не будем время терять. Ты укладывайся, а я сейчас. Забегу кое-куда.

Девушка запорхала по комнате, собирая вещи и аккуратно складывая их в сумку, а он вышел из комнаты. Когда вернулся, все уже оказалось упаковано. Олеся торопливо смахивала со стола крошки.

Вадим смотрел на суетящуюся девушку и не мог отделаться от мысли: почему лицо Гусева показалось ему знакомым? Шофер явно был в ряду ярких картинок вчерашнего рокового дня. Такое лицо не забудешь! Очередной Элькин обман, отъезд из дачного поселка, Олеся, трупы в машине... Где-то там, среди этих событий, затесалось лицо красавца-шофера. Если бы данный эпизод не вытеснили события более значительные, Вадим бы наверняка вспомнил...

– Вино брать?

– Что?

– Бутылка, которую нам дали в «Ивушке», полная. Мы ее и не открывали.

– Возьми, конечно.

– А фрукты? Могу я их взять, или это будет неприлично?

– Раз оплачено, значит, все в порядке. – Он как-то позабыл, что оплачено не им. – Ты можешь забрать с собой все, что мы не съели.

– И я так думаю, – сосредоточенно кивнула Олеся. И добавила: – Это же так дорого! Вино, фрукты, шашлык. Жалко оставлять. – Она застегнула «молнию» спортивной сумки и внимательно оглядела номер. Озабоченно спросила: – Мы ничего не забыли? Посмотри сам.

– У нас были две сумки: твоя и моя. В наличии? В наличии. Документы при мне. Мобильник в сумке. Все, поехали.

Вадим взял обе сумки, Олеся прихватила пакет с едой. Как только они вышли из кемпинга, Гусев был забыт. Убийство какого-то Дурнева к ним с Олесей отношения не имело. Они с господином предпринимателем – люди из разных миров. Даже если следствие зайдет в тупик, помогать ему нет никакого резона. Более того: от мира огромных денег лучше держаться подальше. Иметь их

хорошо, но не иметь еще лучше. Спокойнее. Есть люди, которые довольствуются малым, и к таковым он, Вадим, себя и относил.

Они попрощались с гостеприимными хозяевами. Олеся вновь нацепила примечательные очки и жеманничала, растягивая слова. Губы она накрасила темной вишневой помадой, что вкупе с очками сразу прибавило девчонке пяток лет.

Когда сели в машину, Вадим не удержался:

– Тебе не идет.

– Что не идет?

– Помада. Слишком темная.

– Я купила ее год назад. Мама тоже сказала, что не идет. Но твоя жена... То есть бывшая жена...

– Что жена? – довольно резко спросил он.

– Она ведь предпочитает темную губную помаду?

– Я ее вот уже полгода не видел. Понятия не имею, что она теперь предпочитает. И давай условимся: ты больше не будешь копировать Элеонору. Если, конечно, ты не делаешь это с умыслом.

– Так нечестно! – чуть не расплакалась Олеся. – Я просто хочу тебе понравиться! Я знаю, почему сегодня ночью у нас ничего не получилось!

«Не у нас, а у меня», – мысленно поправил он, выезжая на трассу.

– Потому что ты все время думал о ней! А о том, что мне было обидно, ты не подумал?

– А ты не подумала, что я просто устал? И потом: куда ты так спешишь? Хочешь поскорее расстаться с девственностью? Может, я в твой график не укладываюсь? На какое время это у тебя запланировано? На два часа дня? Или на девять вечера?

– Я хочу, чтобы у нас с тобой все было хорошо.

– Вот и не мешай мне.

Они замолчали. Прошло какое-то время, прежде чем он запросил мира. Скучно ведь ехать молча, а путь им предстоит до-олгий. А девчонка, похоже, упрямая. Сказал «не мешай», и она сидела почти с час, не шелохнувшись. Вроде бы исполняя его волю, но с таким подтекстом, что волеизъявитель оказался в положении виноватого.

– Лешонок, давай махнем километров пятьсот без остановки, а? Очень уж охота поскорее ножки в море окунуть. – Она молчала. Пятьсот так пятьсот. – Ты как устанешь – скажи. Еда у нас есть, вода тоже. Может, винца хочешь глотнуть?

– Я вообще-то не пью.

– И не куришь, конечно.

– Нет. Не курю.

– Умница. Вот видишь, как много я уже про тебя знаю! Не пьешь, не куришь, с мальчиками не... – Он поймал ее злой взгляд и невольно осекся. – Я хотел сказать, что это очень хорошо. То есть правильно. А то на ваше поколение баллон катят. Распущенные, мол. А вы обычные. Не хуже и не лучше нас.

– Мы лучше, – спокойно сказала она.

– Почему?

– Мы знаем, чего хотим.

– И чего же? – поинтересовался он с откровенной иронией.

– Чтобы все было хорошо.

– О как! – усмехнулся он. – Ну, положим, «хорошо» у всех впереди одно. Без вариантов: отнесут на кладбище, и... Нет, эти жмурики в белой иномарке выбили меня из седла! Давай о чем-нибудь приятном поговорим: кто твои родители?

– О приятном? – огрызнулась она. – А тут мало приятного. У тебя какая зарплата?

– По-разному бывает, – уклончиво ответил он. С какой стати он должен сообщать ей о своих доходах? Не жена же. И даже не любовница пока. – То пусто, то густо.

– Но ведь больше десяти тысяч?

– Разумеется. Десять тысяч – не деньги. Да и двадцать-тридцать для мужика не деньги.

– А у нас в городе и десять хорошо.

– Шутишь?

– Чего ради? Ты ведь думаешь: и чего она притащилась в Москву просить какие-то там пятьсот долларов? Ведь это не деньги! А для моих родителей – как раз большие деньги. Это ты хоть понимаешь?

– Ты меня в чем-то упрекаешь?

– Я просто пытаюсь тебе объяснить, почему поехала с тобой. Почему вообще поступаю так, как поступаю. Если бы девчонки из нашей группы узнали о моих приключениях, они бы умерли от зависти!

– О как! – вновь не удержался он от усмешки. И с досадой решил сменить тему: – А город у вас красивый?

– Ничего, – пожала плечами Олеся. И добавила: – Ничего хорошего. Летом зелено, а осенью и весной очень грязно. Лето короткое, зато зима длинная. До бесконечности. Драмтеатр давно уже закрыли, в местном музее торгуют всякой

всячиной. Из развлечений только рынок три раза в неделю. Ходим, смотрим. Покупаем редко: денег нет. Я честное слово не знала, что вещи, которые мне отдали, очень дорогие. У нас такие не продают.

– Ладно, проехали, – вздохнул он. – Я разозлился из-за телефона, это правда. У нас в Москве, конечно, деньги другие, но и жизнь другая. В такое можно вляпаться, что мало не покажется. Для кого что важно: кому покой нужен, а кого устраивают большие проблемы, но при больших деньгах. Скажу сразу: я больших денег никогда не заработаю, потому что жить хочу долго, а спать спокойно. Потому и жена от меня ушла. То есть не потому, что жить хочу долго. Потому что я бесперспективный.

– А я так не считаю, – тихо сказала Олеся.

– Что? Не расслышал? – улыбнулся он.

– Я плохо спала сегодня, – в ответ пожаловалась она. – Подремлю немного?

– Конечно!

Кажется, между ними потихоньку полегоньку устанавливается взаимопонимание. Частичное. Но взаимопонимание полное – это ведь редкость. Даже безумная любовь, какая была у него когда-то к Эльке, тут не гарантия. Они друг друга никогда не понимали. Она не понимала его безынициативности, он – ее ненасытности. Послушать бывшую жену, так все должны стремиться к богатству, славе и успеху. Но для этого надо подминать под себя окружающих, по крайней мере тех, кто послабее. То есть быть человеком жестким и даже жестоким. А он добрый. И безвольный, раз до сих пор ждет свою ненаглядную Элеонору. Или уже не ждет?

Он покосился на Олесю. Неудобно ей спать сидя. Машина постоянно подпрыгивает на ухабах, и голова у девушки мотается туда-сюда.

Он протянул руку и опустил спинку сиденья в положение, почти горизонтальное.

– Спасибо, – благодарно улыбнулась Олеся и, откинувшись, закрыла глаза.

Она забылась сном, он отвлекся дорогой. В долгом путешествии есть своя прелесть. Едешь себе, ни о чем не думаешь.

Солнечные лучи осмелели, и теперь их острые иглы все чаще прокалывали тучи. Дорожка золотого шитья протянулась по серому полотну неба аж до самого горизонта. «А в Краснодаре сегодня двадцать пять», – со счастливой улыбкой подумал он.

... Олеся проснулась перед самым Ростовом-на-Дону, сладко потянулась и зевнула. За окном теперь все чаще мелькали бревенчатые избушки. «У Щукаря», «Харчевня»... Заманчивые вывески обещали сытную и вкусную уху. Вадим невольно подумал, что подошло время обеда. Покосился на спутницу и спросил:

– Остановимся?

– Ты же хотел проехать пятьсот километров без остановки, – напомнила девушка.

– А ты?

– Давай я тебя покормлю?

Олеся засуетилась, полезла в пакет с продуктами. Пришлось отказаться от мысли отведать настоящую уху. Вадим жевал холодный шашлык и, обливаясь водой на ухабах, глотал минералку.

Ростов пролетели без остановки. Олеся вертела головой, когда ехали по мосту, и ахала в восхищении:

– Вот это да! Какой огромный город! А порт!

Она еще долго щебетала, сравнивая увиденное с маленьким городком, в котором родилась.

Прошло какое-то время, и они свернули на Краснодар. По обе стороны дороги теперь стояли тополя, стволы которых снизу были побелены известкой. На большой скорости стволы сливались в одну сплошную белую линию, казавшуюся

бесконечной.

Заметно потеплело. Олеся даже окно открыла. Он подумал, что остановиться придется хотя бы для того, чтобы снять свитер.

– Я скажу когда, – вдруг, улыбнувшись, сказала девушка.

– Что?

– Мы ведь будем обедать?

– У тебя какие-то планы?

– Знаешь, я немного странная. Вот увижу что-нибудь новое и мгновенно принимаю решение: это мое. Если в душу запало. Или наоборот: это не мое. Я и вещи так выбираю. Хожу, хожу по рынку, бывает, так ничего и не куплю, хотя и деньги есть, и вещь нужна. Неделя пройдет, другая. А потом вдруг остановлюсь внезапно: это мое! И, даже если в кармане ни гроша, бегу занимать в долг и понравившуюся вещь все равно покупаю.

– Это ты к чему? – насторожился он.

– К тому, что я не хочу планировать ни место, ни время, когда мы остановимся. Но если мне вдруг понравится...

– Я понял. Значит, бац – и точка! Беру!

– Да.

– А меня?... Со мной тоже так было?

Он покосился на девушку и увидел, что она покраснела. Вот характер! Решения, значит, принимает мгновенно. А как же насчет: «семь раз отмерь, один – отрежь»?

– Что молчишь, Лешонок?

– Так...

– Я все понял. Без обид. Знаешь, мне это даже льстит. Никогда не думал, что могу произвести на девушку впечатление. Я, в общем-то, парень простой...

– Но Эля ведь вышла за тебя замуж.

– А куда ей было деваться? Не то чтобы я ее сильно домогался... Мы же договорись, что больше не будем говорить о моей жене, – спохватился он.

– Мы договорились, что я больше не буду ее копировать. Но у меня нет других солнцезащитных очков. А без них на юге нельзя.

– Договорились: очки можно. А помаду я тебе завтра куплю новую.

Пока пролетали сквозь строй тополей, она ни словом, ни взглядом не дала понять, что хочет остановиться. «Не мое», – усмехнулся он. Значит, реки, берега которых поросли камышом, и золотые пшеничные поля впечатления на нее не производят. Чего ж ей надо? Кораблей в гавани? Самолетов в небе?

Они выехали на широкую дорогу, и на указателе Вадим прочитал, что до Краснодара осталось не больше пятидесяти километров.

И вдруг Олеся крикнула:

– Останови!

– Где? – не понял он.

– Впереди кафе. Оно мне нравится!

Вадим присмотрелся и увидел кирпичное здание под зеленой крышей. А с чего она взяла, что это кафе? И как его вообще углядела? Он ничего не сказал, но подумалось, что отдых в тополиной аллее, в тени деревьев, был бы гораздо приятнее, чем здесь, на солнцепеке. Место отнюдь не живописное: ни тени, ни деревца. Группа добротных строений из белого кирпича, но без особых изысков. Пролетели бы, он и взглядом не зацепился.

Но Олеся упрямо повторила:

– Вадим, останови!

Он послушался: если женщина просит... Свернул с дороги и подъехал к одноэтажному зданию, над входом в которое увидел довольно-таки скромную вывеску: «Кафе Мечта». Вышел из машины и первым делом стянул свитер. Потом подумал, что надо бы сменить джинсы на шорты. Но не решился идти в кафе голоногим. Однажды Элька затащила его в дорогущее кафе, сказав, что там, мол, демократично, а он в джинсах и майке все равно смотрелся там глупо.

Олеся тоже оставила куртку в салоне. Вадим отметил, что трикотажная маечка «под джинсу», украшенная бусинками и стразами, слишком уж натянулась на ее груди. Что, тоже подарок богатой родственницы? Но вещь-то новая, ни разу не надеванная, это сразу видно!

– Ей не пошла, – пояснила Олеся, в очередной раз прочитав его мысли.

Он простил бы ей эту маечку. И всю ту чепуху, что Олеся несла в машине вплоть до приезда сюда. Ишь! Характер у нее такой! Но ведь таких совпадений просто не бывает! «Ивушка», кемпинг «Алан» и теперь вот кафе «Мечта» – и везде белую иномарку, в которой должны ехать на юг молодожены, встречают улыбками и цветами, ибо, как только они с Олесей вылезли из машины, на пороге «Мечты» появилась симпатичная улыбающаяся девушка с букетом в руках и сладко пропела:

– Поздравляю с законным браком!

Он резко развернулся к Олесе, готовый тут же высказать ей все. Девушка посмотрела на него умоляюще. Потом прошептала:

– Только не сейчас!

И поспешила принять букет.

Скрипнув зубами, он прошел следом за ней в кафе. Здесь было прохладно: работал кондиционер. Самый уютный столик, у окна, видимо, ждал их. Как

только уселись, официантка засуетилась, заспешила на кухню. Олеся понюхала цветы и поставила их в воду.

Он нетерпеливо спросил:

– Ну?

– Что? – невинно посмотрела на него девушка.

– Только не повторяйся! Не надо объяснять мне странности своего характера, все равно не поверю! Хватит вешать лапшу на уши! Я не поверю, что это простое совпадение!

– Хорошо: это не совпадение. Рано утром звонил телефон.

– Значит, не было у меня галлюцинаций, – мрачно сказал он. – И что?

– Он сказал только: кафе «Мечта» в пятидесяти километрах от Краснодара, и постарайтесь больше не отклоняться от графика.

– Все?

– Все, – кивнула Олеся.

– А ты? Что ты ему на это сказала?

– Ничего.

Подошла официантка, улыбаясь, стала накрывать на стол. Вадим нисколько не сомневался, что заказ за них с Олесей давно уже сделан и все заранее оплачено.

– Разве не здорово? – Девушка окунула лицо в букет, когда официантка вновь упорхнула на кухню.

– Еще сюрпризы будут? – зло спросил он.

– Я же отдала тебе телефон.

– А ты не так проста. Может, и не из провинции вовсе приехала?

– Тебе паспорт показать?

– Хотелось бы.

– В машине. В кармане куртки. Как только сядем, я его достану.

– А не врешь? – подозрительно спросил он.

– Ты напрасно мне не веришь, Вадим. Мне просто приятно чувствовать себя твоей законной женой. Приятно, что все нас поздравляют, искренне радуются...

– Что все оплачено.

– И это тоже! – с вызовом сказала Олеся. – Не забывай, что даже если я выйду замуж, ни моим родителям, ни моим родственникам и друзьям такой подарок не по карману. Свадебное путешествие, дорогие обеды в кафе, цветы каждый день. Все это так красиво и романтично!

– Милая, ты забыла самое главное: те двое, что должны быть на нашем месте, умерли. Они – трупы. Покойнички. Жмурики. Усекла?

Вновь появилась официантка, и пришлось замолчать.

Обед был выше всяких похвал, жаль, что у Вадима пропал аппетит. Олеся же, напротив, нисколько не комплексовала. Ела с большим аппетитом и красного вина выпила. Оживилась, разругмянилась. А как же «я не пью»?!

Вся беда в том, что он совсем не разбирается в людях! Не понимает женщин! И не может теперь с уверенностью сказать – водят его за нос или говорят правду!

В «Мечте» в общей сложности они пробыли часа полтора. Потом, в машине, он еще раз довольно жестко потребовал у Олеси паспорт. Она достала и отдала.

Паспорт Вадим изучил внимательно. Да, все так. Дата рождения, место рождения, прописка... Все чисто. Ей двадцать лет, приехала из провинции, не замужем. Еще раз, прочитав название городка, в котором она родилась, Вадим задумчиво сказал:

– Я ведь бывал в тех краях. Пару раз. Там у вас речка со смешным названием...

– Ржакса, – тут же сказала она.

– И первое, что видишь, подъезжая к городу...

– Кладбище.

– Верно!

– Ты меня проверяешь? Еще какие-нибудь подробности нужны?

– Довольно-таки странное совпадение, – задумчиво сказал он, думая о своем. Потом вдруг спохватился: – Все, поехали! Хватит с нас уже марша Мендельсона.

Управляющая, которая встречала их с букетом, и официантка в белоснежном переднике стояли на пороге и, улыбаясь, махали вслед.

– Неужели никому не кажется странным, что у тебя на пальце нет обручального кольца? – спросил он и тут же заметил, что Олеся поспешно развернула дешевый перстенок на правой руке камнем вверх. – Ах, вот оно что! Ловко!

– Ничего особенного. Это старый трюк.

Его не покидало чувство, что у нее в запасе еще много таких вот «старых трюков». Примитивных, но, тем не менее, действенных.

Олеся затаилась, он тоже примолк. В «Мечте», между прочим, их не только накормили, но и машину заправили бензином за счет заведения. Получается, что за истекшие сутки Вадим не потратил ни копейки своих денег.

Ехали, молчали. Вадим и не заметил, как пролетели Краснодар, плотину, по обе стороны которой разливалось огромное водохранилище.

Примерно через час на горизонте показались горы. Олеся негромко ойкала, когда из-за поворота вылетали встречные машины. Дорога была узкая, и все время шла вверх, в гору. Несмотря на то, что на небе по-прежнему сгрудились тучи, становилось нестерпимо жарко...

Жара

Съехав на обочину, он зашел в кусты и сменил джинсы на шорты. Вчера было холодно, а сегодня уже жарко. Пока он разминался, Олеся тоже переоделась. Он машинально отметил, что бедра у нее широкие, но щиколотки тонкие, а икры ног рельефные. Должно быть, занимается спортом. В целом фигурка у девушки была ладная, а в таком нежном возрасте, при гладкой коже и упругих мышцах, говоря прямо, весьма и весьма аппетитная. Здоровая, сильная девка, прямо кровь с молоком, щеки, словно наливные яблочки, волосы блестят. Вадим почувствовал такое же здоровое, чувственное возбуждение. И что ему за дело до ее детских шалостей? Если, конечно, это шалости...

– Я заказал по телефону номер на двоих, – он покосился на Олеся.

– Где?

– В пансионате «Южная ночь», – усмехнулся он. – Элька настояла. Мы с ней однажды там уже отдыхали. Года три назад. Ничего, понравилось. Кормят хорошо, до моря рукой подать. Ей непременно надо было оказаться в этой «Ночи» сегодня вечером. Я так толком ничего и не понял. Элька сказала: «По дороге все объясню». Моя бывшая довольно-таки странная особа. Вечно у нее какие-то тайны! – поморщился он и добавил: – А я этого терпеть не могу!

– А номер уже оплачен? – вроде как безразлично спросила Олеся.

– Пока еще нет. Просто забронирован, чтобы без проблем. Приеду и сразу оплачу, деньги у меня есть. Не бойсь, Лешенок! – бодро сказал он.

... Это случилось уже в горах, когда до «Южной ночи» оставалось ехать минут сорок, не больше. Олеся попросила пить.

– В сумке, – сказал он.

– Хочу чего-нибудь холодного. Жарко уж очень, – пожаловалась девушка.

– А именно?

– Воды. Просто холодной воды.

– Минеральной? – уточнил он.

Олеся молча кивнула.

Он стал озираться по сторонам в поисках магазина или торговой палатки. Потом вспомнил о том, что не мешало бы разменять деньги. В обменниках Москвы пошла мода выдавать клиентам новенькие купюры достоинством в одну тысячу рублей. Таких купюр у Вадима в портмоне лежало штук десять, а мелочи кот наплакал. Здесь же, на юге, мелкие деньги просто необходимы. Он рассчитывал разменять деньги по дороге, но вышло так, что все получил бесплатно. А тут еще Олеся попросила холодной минералки.

Он остановился у магазина и полез в барсетку, которую поутру засунул в сумку с одеждой, а сумку бросил на заднее сиденье. В барсетке Вадим хранил документы и портмоне с деньгами. Теперь же, открыв ее, замер в недоумении. Документы были на месте: на машину, паспорт, водительские права. А портмоне не оказалось. Холодея, он вывернул барсетку чуть ли не наизнанку. Нет портмоне! Видимо, выражение лица у него было такое, что Олеся испуганно спросила:

– Что случилось? Вадим?

– Ничего, – хрипло сказал он и теперь уже стал выворачивать наизнанку сумку с вещами.

На заднее сиденье полетели плавки, шорты, футболки... Портмоне не находилось. Он стал рыться в карманах джинсов и других вещей, где эти самые карманы были. Хотя не имел привычки класть туда деньги. К деньгам он вообще относился бережно и небрежности в обращении с ними не допускал. Такое фиаско случилось с Вадимом впервые в жизни. И поначалу он просто растерялся.

– Вадим, что случилось? – повторила вопрос Олеся.

– Деньги, – наконец сказал он. – Представляешь? Портмоне пропало!

– А много там было денег? – тихо спросила девушка.

– Десять тысяч рублями и пятьсот долларов.

– Да ты что?! – ахнула она. – Такие огромные деньги!

– Вообще-то не очень. Но на неделю отдыха должно было хватить, – пожаловался он.

– Давай искать, – решительно сказала Олеся.

Но он уже понял, что искать бесполезно. Неужели он сунул портмоне под матрас там, в кемпинге? Была такая привычка: в дороге спать на деньгах. Мама научила. Эх, мама, мама! Подвела ты меня! Он лихорадочно соображал, что же теперь делать?

– А у тебя еще деньги есть? – осведомилась Олеся.

– Мелочь. Пару тысяч в кармане штанов плюс еще пара сотен в куртке. Плюс полный бак. Что ж, на обратную дорогу должно хватить.

– У меня тоже есть деньги, – покраснела Олеся.

Он увидел, что девушка уже готова лезть в кошелек, и поморщился:

– Оставь. Даже на одну-единственную ночь номер нам не по карману.

– Где же ты мог его забыть? Портмоне?

– В кемпинге, где же еще! Всю дорогу я не вынимал портмоне из барсетки. И не помню, чтобы вынимал и в кемпинге, но я был в таком состоянии, что действовал на автопилоте. О, черт!

И тут он грязно выругался. Шок от потери денег, предназначенных для отдыха, сменился отчаянием. Он гнал машину с бешеной скоростью полторы тысячи километров! Для чего? Чтобы теперь, несолоно хлебавши, развернуться и уехать обратно!

Поток его ругательств Олеся выслушала молча. Потом сказала:

– Может быть, нам вернуться в кемпинг, взять деньги и снова приехать сюда?

– Так тебе их и отдадут! – зло расхохотался он. – Ты соображаешь, что говоришь? Белла наверняка взялась перетряхивать постель после нашего отъезда и, разумеется, нашла портмоне! А если не нашла она, значит, обнаружили его те, кто остановился в номере после нас. Вот это подарок так подарок!

Возникло ощущение, что это очередная злая шутка его бывшей жены. Так твою раз этак!

– Есть выход, – тихо сказала Олеся.

– Какой?

– Мы можем остановиться в номере для новобрачных.

– В каком номере? – Вадиму показалось, что он ослышался.

– Насколько я в курсе, километрах в тридцати отсюда есть пансионат «Большая Медведица». Там забронирован номер для новобрачных. Но им он уже не понадобится. Тем двоим мертвецам в белой иномарке. Номер, кстати, оплачен.

– Ты-то откуда знаешь?

– Кроме кафе «Мечта», мне назвали ночью по мобильнику еще одно место: пансионат «Большая Медведица».

– А больше ничего не сказали? – подозрительно спросил он.

– Нет, – покачала головой Олеся.

– Что-то ты темнишь, милая.

– Тебе решать, Вадим. Или мы разворачиваемся и едем сейчас обратно в Москву, или направляемся не в «Южную ночь», а в «Большую Медведицу».

– Кроме номера, что еще оплачено? Питание?

– Я не знаю.

– Если вспомнить, как нас встречали в кафе на трассе, все должно быть по высшему разряду, – усмехнулся он. – Фрукты, вино. А на чаевые мы совместными усилиями наскребем. Так, что ли?

Олеся промолчала, а он задумался. Ситуация пиковая. Денег нет. А меж тем он, ни разу не залезая в собственный кошелек, доехал до юга без проблем. Даже бак заправили бензином. Не исключено, что и в «Большой Медведице» будет то же самое. Не воспользоваться этим? Дураком надо быть! История темная, и чем дальше, тем темнее.

– Ну, что ты решил? – напряженным голосом спросила девушка.

– Ладно, поехали в «Медведицу», – сказал он нехотя.

Олесино личико вспыхнуло от радости. Добилась своего! Ей-то, понятное дело, домой несолоно хлебавши возвращаться тем более не хочется.

Он сел в машину и зло хлопнул дверцей.

Когда их «Лансер» вновь тронулся в путь, Олеся, понимающая состояние своего спутника, защебетала:

– Не переживай так. Ну, позвонит опять тот мужчина, я скажу, что все в порядке, доехали. Если до сих пор сошло с рук, почему не может сойти и дальше? Мы поселимся в номере, будем там жить, пока не выяснится, что мы самозванцы.

– Я сам отвечу на звонок, – мрачно сказал он.

– Вадим, ты все испортишь.

– Не вмешивайся! – отрезал он. – Я хочу знать, в чем тут дело. Что это за тайны такие?

– И все испортишь, – повторила Олеся.

– Хуже, чем сейчас, быть не может.

– Вадим, что ты об этом знаешь! – произнес вдруг воробышек таким взрослым голосом, что он невольно насторожился. Девушке явно известно больше, чем она сказала ему. Но откуда? Каким образом? Неужели ее ночной разговор с неизвестным благодетелем не ограничился краткими сведениями о кафе, где им предстояло пообедать, и гостинице, где следовало поселиться?

Вот влип так влип! Теперь надо выкручиваться. Олеся вновь что-то говорила. О красотах здешней природы, о том, что еще ни разу в жизни не видела моря и гор. Море? А где здесь море? Оказывается, они уже ехали вдоль побережья, и до самого горизонта разливалась синяя морская гладь. А он этого даже не заметил!

«Зато сегодня вечером я буду купаться в море!» – подумал он.

А если в «Большой Медведице» им дадут от ворот поворот? Но, похоже, его спутница знает, что делает.

Олеся активно вертела головой по сторонам, и видно было, что все окружающее ей в диковинку.

– Где же эта «Большая Медведица»? Может, спросить? Вадим?

Кафе «Мечта» она нашла сразу. И «Ивушку», и кемпинг. Но там было проще: все вдоль трассы. А пансионат может располагаться и у подножия горы, и вовсе на отшибе. Олеся на сто процентов не в курсе, где именно эта «Медведица». Он, разумеется, тоже.

Пришлось притормозить. Отдыхающие, бредущие на пляж, о пансионате с таким названием ничего не слышали.

Они проехали еще несколько километров.

И вдруг Олеся восторженно закричала:

– Да вот же он! Вот!

– Кто?

– Указатель! Вот!

Действительно, зеленая стрелочка указывала направо, под ней была надпись: «Пансионат «Большая Медведица», есть свободные места». Сориентировавшись на местности, Вадим подумал, что «Южная ночь», в которой они отдыхали как-то с Элькой, всего в пяти минутах езды отсюда. Просто тогда, три года назад, никакой «Медведицы» здесь еще не было, он это помнит прекрасно. Но поток отдыхающих с каждым годом увеличивается, и пансионаты растут на склонах гор, как грибы после дождя. Красные крыши, зеленые, синие... Выгодный бизнес.

Вадим свернул туда, куда указывала зеленая стрелочка.

Вскоре перед ними словно из-под земли возникла полукруглая арка, украшенная фонариками в форме звезд. Должно быть, ночью они светились. Кроме этих звезд арку украшали вычурные буквы: «Большая Медведица». За аркой красовалось двухэтажное здание из красного кирпича, по углам которого возвышались башенки. Перед зданием был разбит красивый цветник.

Увидев розы, Олеся восхищенно всплеснула руками:

– Какие красивые!

Но путь к розам перекрывал полосатый шлагбаум. Вышедший из ворот охранник приветливо улыбнулся:

– Есть места.

«Места-то есть, да у нас денег нет», – мрачно подумал Вадим. Ему сразу захотелось повернуть обратно. Тем не менее он вышел из машины.

– Я с тобой, – торопливо сказала Олеся и тут же выпорхнула из машины, нацепив примечательные солнцезащитные очки. Машину Вадим так и не помыл, и номер по-прежнему был наполовину заляпан грязью.

Охранник внимательно посмотрел на них и вдруг пошел поднимать шлагбаум.

– Кажется, ты не ошиблась. – Вадим с усмешкой глянул на Олеся. – Нас здесь ждут.

Девушка осталась у цветника, любоваться розами, пока он загонял машину на территорию пансионата. К дверям они шли вместе, но на входе Вадим, как истинный джентльмен, пропустил Олеся вперед. Она первой подошла к стойке регистрации, за которой сидела администраторша, и тихо сказала:

– На имя Лебедева Марата Константиновича должен быть забронирован номер.

По тому, как встрепенулась администраторша, Вадиму стало понятно: в десятку!

– А вы... Его жена, да? – Олеся молча кивнула. – Поздравляем вас! От души! С законным браком!

Вадим отметил, что перстенок-то Олеся опять перевернула камушком вниз. И крепко-крепко сжала кулачок. Он отдал паспорт, который администраторша, зевнув, молча сунула в стол, так и не открыв, и тут же получил ключи.

Олеся еле слышно сказала:

– Вот видишь, как все замечательно.

– Пока ничего замечательного не вижу.

Ему показалось, что девушка лихо подмигнула: мол, все еще впереди! И так же тихо прошептала:

– Я поднимусь в номер, а ты принеси наши вещи. Хорошо?

Он кивнул, и Олеся неслышно проскользнула мимо стойки, за которой сидела полусонная администраторша, на второй этаж.

Номер для новобрачных не разочаровал. Кемпинг, где они с Олесей заночевали, проигрывал этому «апофеозу безвкусия» по всем статьям! Вадим вновь вспомнил дорогое обручальное кольцо на пальце у крашеной блондинки и подумал: «Люди со средствами». Все по высшему разряду. Он был уверен: это лучший номер в пансионате! Аляповато, конечно, но по местным меркам роскошно!

И вновь букет цветов на столе, ваза с фруктами, вино «Алазанская долина»... И непереносимые рюшечки, фестончики, кружева, алые сердечки. Повсюду, куда ни глянь. Подушечка-думка в форме сердечка, наволочки усыпаны сердечками, покрывало на широкой двуспальной кровати украшено огромным багровым сердцем, отчего-то треснувшим, то есть разбитым, и оттого похожим на лопнувший перезревший помидор. Словом, апофеоз безвкусия. Именно так сказала бы его бывшая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/natalya-andreeva/ne-ustal-li-sozdatel>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)